

Один Человек

ОДНА КНИГА

Один Человек

Одна Книга

«Издательские решения»

Один Человек

Одна Книга / Один Человек — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960240-4

Добавляйте Своё в Книгу и меняйтесь со Своими. Убирайте лишнее из Книги и меняйтесь. Что такое: «Всё туда?» Пишите. Пишите Свою Книгу. Меняйтесь! Сейте! Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-960240-4

© Один Человек
© Издательские решения

Содержание

Утро	6
Сцену номер 1. В которой Мы погрузимся в чайную церемонию с элементами садомазохизма	8
Сцена номер 2. В ней Ты с удивлением узнаешь, что такое физика твердых тел	12
Сцена № два точка один	15
Сцена 2.1.1	18
Сцена 2.1.2	22
Сцена 2точка1точка3	26
Сцена 2.1.4	28
Сцена 2.1.5	30
Сцена 2.1.6	32
Сцена № два. 2	35
Сцена №3	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Одна Книга

Один Человек

© Один Человек, 2018

ISBN 978-5-4496-0240-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Утро

и для Тебя, начало может показаться слегка нудным, что ли, трудным и малопонятным, а где-то местами даже и абсурдным. Что ж. Тогда пропусти, перелистни, вырви и подотришь, вырви и сожги, вырви и заверни, высморкайся, скомкай, вышвырни то, что Тебе не нравится. Оставь то, что выдержало Твою суровую критику и Сделай так, как только нравится Тебе. Продолжай. Впиши своё имя в мировую историю Своим красивым почерком. Слева – направо. Справа – налево. Сверху – вниз. Снизу – вверх. Ты можешь изменить её направление. Вектор. Ведь Это уже в Твоих руках. Здесь приготовлено особое место и специально для Тебя. Добавляй от Себя и передавай. Меняйся. Меняясь – собирай. Собирай меняясь. Собирайся. Меняйся с лучшими. Меняйся с достойными. Меняйся – это к лучшему. Ты ведь, как умный Человек, понимаешь, что Это же ведь только начало, это вступление в, прелюдия к, эпитафия для. Ты ведь когда родился, вряд ли был в восторге от картины, которая представилась Твоим маленьким глазенкам после мягкого, теплого и уютного розового полумрака материнского чрева: окровавленная промежность, люди в белых халатах, ослепляющий свет софитов, роже-ница без сознания, оглушающий шум незнакомых голосов, блеск акушерского металла. Мало что понятного, согласись. Жуть! Как тут не занервничать!? Как тут не закричать!? А ведь это Твой дебют, вступление в, прелюдия к, эпитафия для. Ведь это же Твой первый выход. А ведь Это все только для Тебя. Внимательно изучи эти слова и вдумайся в них. Продолжай. Очень хорошо. Так и думай. Так и делай. Так и живи, и переживай, пережевывай, перемежевывай, подвывай, не унывай, правильное выбирай. Да, да, да именно так и никак иначе. Однако время. Время течет, изменяя Тебе, меняя Тебя к, превращая в пару строк и две даты, превращая в...

«Сколько?»

«Всего!»

«Беру!»

«А нужно ли думать об этом?». Зачем тревожишь себя раз от раза, этими проигрышами ситуаций, которые гармонично вплелись в пеструю картину твоей мелкобуржуазной жизни. По кирпичику выстраиваешь свое здание, называя маленькие, порой секундные кадры, разными красивыми словами, которые уже давным-давно придуманы: жизнь, любовь, деньги, успех, страх, предательство, ненависть, радость, жизнь, жажда, смерть. Неужели это Конец? Размышляешь Ты, лежа на диване (в кровати, в гамаке, за рулем, в кресле, на стуле, на корточках), глядя пустыми глазами в горизонт (в монитор, в книгу, в экран), потягивая сигаретку (сигару, трубку, папироску), попивая вино (водку, пиво, воду, чай, кофе) из бокала (банки, кружки, полторашки), держа в руках Книгу (журнал, газету, телефон): «Интересно: а что было „до“ меня и что будет „после“ и что останется: ворохом пепла да горсть земли. Да и останется ли? А? Алло!? Да это Я». Зачем изводишь себя, мучая отхлестанную пощечинами жизни душу сомнениями/рассуждениями: правильно или неправильно, нужно или не нужно, даст – не даст, пойти – не пойти, красное или черное, проскочишь – не проскочишь, попадешь – не попадешь, прокатит – не прокатит? Тише. Тише. Еще тише. Остановись. Постой чуток. Зачем усложняешь, дружище? Дыши. Вдохни. Выдохни. Вдохни. Выдохни. Дыхание ровное спокойное. Уже лучше. Еще лучше. Все намного лучше, чем тебе кажется, чем ты думаешь, чем ты чувствуешь. Чувствуешь? Чувствуешь красоту. Свою красоту. Красота процесса. Простота. Звонок. Будь он неладен. Будь он бен ладен. А какие шикарные сны! А какие ландшафты! А какие люди! А какие буквы! А цифры! Посмотри на ценник. Ну и? Ну и разве ЭТО деньги!? Деньги на красивую кофточку на недельку или помадку с приятным оттенком и ароматом, притягивающим обеспеченных и перспективно-респектабельных мужчин. Да Эти деньги Ты просвищишь в первом же кабаке с красивой Ж, после чего просрёшься из-за несвежего шницеля (это в лучшем случае) и/или проблудёшься, а может и, то и другое, и, причём сразу. И что?

И где эффект? В дерьме!? И в чём кайф? В тошноте!? И в чем позитив? В блевотине!? В выливающейся из тебя в виде мутной мочи, четвертой банке крепкого пива!? Сделай Свою ставку сейчас. Пока держишь удачу в Своих руках. Пока есть Шанс. Делай. Правильно. Смело. Тебя ждет успех и удача, если ставка сделана. Ставка сделана. Твоя ставка принята. Получи Свою Книгу сдачу и Добро пожаловать в

а на втором, просыпаешься от того, что язык прилипал к верхнему небу, т.к. во рту из-за циркуляции воздушных масс становилось сухо. Да что там сухо, сухо – это сухо сказано. Безжизненная пустыня Такламакан. Выносливые верблюды не протянули бы и суток в таких условиях. Мать привела меня за руку в белый кабинет. Мужчина, крепкий, в большом белом колпаке и с толстыми волосатыми пальцами, живо распорядился после беглого осмотра носовой полости посредством круглого зеркала с дыркой в центре, ловко закрепленное на лбу эскулапа: «Маша! Закапай раствор!», – прогремел ЛОР. Маша, медсестра, отвела меня в маленькую и тоже светлую комнату и, усадив на круглый металлический табурет, жестким, расчетливым движением что-то ловко капнула в ноздри. Захотелось чихнуть. «Сиди смирно», – сказала она и вышла. В носу щекотало. Взору моему, тем временем, предстали шкафы с прозрачными дверцами и всевозможным хоз. инвентарем: пинцеты, ланцеты, гигантские шприцы и прочая нержавеющая, леденящая детскую психику медицинская утварь. Фантазия тут же унесла меня и в голове развернулись сцены применения этих приспособлений: в меня впились щипцы, скальпель безжалостно резал мою детскую плоть, шприцы вонзались своими стальными жалами под ногти, пилы пилили мои коленные и локтевые суставы, и все это без анестезии. По телу пробежал холодок. В глазах потемнело. От фантазий меня оторвал большой белый колпак: «Так, – сказал он, пристально осматривая мои ноздри, – согни большой палец». Я последовал. «Ага, четверочка», – сказал он, повернувшись к Маше, которая уже катила маленький металлический столик на колесиках, покрытый белой тканью. Оба в масках. Только глаза. Толстопальцый, откинув занавес со столика, суетливо загремел металлом. Колпак повернулся ко мне. В руке у него блеснула холодная, безкомпромиссная сталь: восьмиугольник из тонкой, крепкой проволоки на длинной ручке. «Открой рот», – скомандовал колпак. «Не надо», – тихо попросил я, неуверенно последовав указанию. Стремительно он проник в носоглотку сим инструментом и, прижав его где-внутри, сильно дернул на себя. Я вздрогнул. Он извлек инструмент. На нем бессильно свисала часть моего тела. Мясо. Так вот они какие! Аденоиды. Колпак небрежно бросил инструмент в маленькое корытце и быстро вышел, снимая на ходу повязку. Маша, дав мне в руке другое корытце, сухо сказала, глядя черным блеском врачей глаз из-за марли: «Плюй!». Я последовал. Кровь. Не, ну ладно, кровь, тут-то хоть болевые ощущения минимизировали препаратами. Было, как говориться, с чем сравнивать. А то ведь вот, проходили в первом классе осмотр стоматолога. Так, там, две крупные женщины, посверлив мои молочные зубки, пошущукавшись, подошли ко мне и одна и говорит: «Открой-ка ротик пошире». Я открыл. «Ну, вроде все у тебя теперь хорошо, всё полечили». «Вот и хорошо», – думаю. А то не так-то уж это и приятно, когда у тебя во рту орудут хоть и маленькой, но дрелью. «Молодец», – продолжали женщины, блуждая глазами во рту. «А ну-ка, еще пошире», – успокаивающе настаивали они. Пожалуйста, милые женщины, сколь угодно широко. Вдруг, одна из, ловким движением, проникла в область коренных зубов. Щипцы мелькнули у нее в одной руке, другой она зафиксировала мою нижнюю челюсть, перекрыв возможность закрыть ее. Её коллега, подлетев сзади кресла, на котором проводилась экзекуция, заблокировала мою голову и руки. Навалившись своими рыхлыми, терпкопахнувшими женскими организмами, стоматологи заблокировали и обездвижили меня. Я почувствовал, как моего коренного зуба коснулись щипцы, крепко обхватили его. Ужас объял меня. Что было силы, женщина совершила расшатывающее движение. Влево. Вправо. Иглой меня прошла боль. Хотел закричать. Собравшись в комок и показав гримасу удовольствия, она дернула щипцы на себя. В голову ударил молот, загудело. Женщины ослабили свои объятия. Я обмяк. Режущая боль пульсировала. Сердце бешено колотилось. Руки дрожали. Никакого намека на обезболивание и не было. А зачем? Ведь можно съэкономить, и сделав раствор, введя его в себя, за чашечкой чая, после тяжелой смены, приятно вспоминать крики первоклашек. С улыбкой, садистка выбросила часть меня в грязное ведро. Вот так вот уже с детства приходилось через кровь избавляться от ненужного. Палачи. «Положи ватку на зубик», – сказала

сотрапша. Тебе бы, сука, эту ватку в жопу, и поглубже, поглубже. Скотина. Дыши глубже. Легкие начинают работать исправно, перерабатывая поступающий в них кислород в углекислый газ. Поэтому, наверное, ты – не растение.

Добравшись, и оперевшись руками об уже изрядно послужившую, старую потрескавшуюся раковину цвета несбывшейся детской мечты смотришь на свое отражение в зеркале. Мда, уж...

Проводишь рукой по овалу. Оттягиваешь веко. Показываешь язык. Необходима реанимация это красивого, некогда одухотворенного молодого, полного надежд молодого лица. Поворачиваешь кран, и на твои руки льется свежесть. Она касается твоих рук, а руки твоего лица. Холодная, зараза. Это бодрит. Она готовит тебя к наступающему дню как пионера к подвигу. Возможно, вот так же, Марат Казей, проснувшись морозным январским утром 1942 года, умылся, выпил стакан горячего чаю без сахара, взял запасенные с вечера три противотанковых гранаты, по трое обвязанные старой бечевкой. Надел висевшую, в углу вырытой промозглой осенью в скользкой суглинистой земле Брянского леса саперной лопаткой землянки, старую потрепанную дедовскую (Царство Ему небесное!) заплатанную фуфайку с выбивающейся местами ватой. И совершил подвиг, вошедший в анналы средней общеобразовательной школы СССР: подорвавшись вместе с утренними гранатами на ненавистных ему вражеских танках «Тигр». И вошел-таки в историю: красивый, молодой, дерзкий. Герой! Вот сколько воли и смелости может быть в одном хрупком пионерском организме. Ну, конечно, ж не 42 год. Да, и не землянка (Восславим Господа бога нашего!). Ванна – теплая. Зеркало – чистое. Лицо – три раза через левое плечо. По дереву, по дереву. Совсем другое дело. Красив сукин сын! Хорош! Обычный приступ утреннего мужского эгоизма. Лишь бы не было войны.

Спасибо тебе: стальной красавец смеситель! Из него проистекает то, чем ты сможешь утолить свою посленочную жажду, и тебе поможет в этом маленькая деревянная подружка из волшебной коробочки.

О, эта волшебная коробочка кудесников из Балабаново! Посредством которой человек становится немного счастливее. А сосуд уже полон. И что остается тебе? Соединить воедино несколько стихий, чтобы получить эликсир бодрости. Обычное для тебя волшебство. Волшебство.

Ты подходишь и привычным движением тянешь на себя уже знакомую тебе дверцу с потертой, когда-то благородно чуть позолоченной ручкой, за которой находится недостающий элемент твоего обычного ритуала. Черные его листья источают пьянящий аромат, помогая вспомнить приятные моменты, в которых он был главным участником. Его хвалили. Он нравился. Им восхищались. Быть может, он даже чувствовал в себе гордость, как и его хозяин. Жертвенный эгоизм.

Но как прекрасна эта жертва! Отдать себя всего для других, чтобы тобою насладились, выжали без остатка все что можно, а потом легким движением вернули тебя на землю, смешали с грязью, на ужин червям, сделав частью чернозема, из которого ты вышел и в который, по обычаю, вернешься, в сырую прямоугольную в 1.5 м. Глубину, чтобы отдать последнее, что у тебя есть и обрести вновь ту силу, которая тебе предначертана, и которая даст тебе новую жизнь.

О! Мой великий, черный байховый друг – чай.

Чай.

Тот, который читает вместе со мною книги, и помогает окунуться в самую их глубину, доставая жемчужины человеческой мысли. Каждый глоток, которого, несет внутрь тепло и покой, и растекается по телу приятной истомой пронизывающей каждую клеточку твоего естества и заставляет чувствовать жизнь полнее и шире. Вот он, этот момент: спичка с легким нажимом стремительно пробегает по боку короба и, зашипев от раздражения, взрывается столбом огня и сизым облачком дыма. Это ее спичечная душа отлетает прочь. Она умирает,

она тоже отдается мне сполна и сгорает дотла. Такова ее судьба. Ее держит моя правая рука. Я могу держать в руках огонь, я чувствую себя факиром. Просьба не путать с факером, тем более с маза факером. Огненное представление. Феерия. Левая рука поворачивает затвор, и из глубины земли из самого ее сердца, по стальным сосудам-трубам, мощными насосами-сердцами, через компрессорные станции Он летит на встречу со мной и навстречу с ней. Ему не терпится вырваться из этих оков, и, обнявшись со своей подругой спичкой быстро и ярко умирать, отдавая себя без остатка этой безумной страсти, простая, казалось бы физика, а сколько эстетики.

Газ!

Самоотверженный голубой энергоноситель! Он играет своим синими языками, с шумом, требуя. Я выполняю.

Стальной. Блестящий. Красавец. Чайник. В его брюхе плещется уже вода. Холодная. Сырая, как погода в ноябре. Пока еще полуфабрикат. Он сдерживает ее, не дает вырваться. Он спокоен.

Я предаю его огню. Синим своим языком, облизывает упругую сталь, возбуждает. И начинается чудесный процесс превращения. Он начинает ворчать, предвещая начало кульминационного момента. Вода не может безучастно относиться к фатальной игре огня. Это ее завораживает. Воду переполняют чувства, которые вложил в нее огонь. Она ищет выход своим эмоциям. Но чайник сдерживает ее порывы. И она в отчаянии начинает бурлить, клокотать, выплескивать накопившееся в ней желание и не в силах сдерживать натиск ненасытного огня. Высшая точка. Апогей. Экстатика! Чайник сходит на милость и дает финальный свисток.

Рука. Кран. Поворот. Огонь укрошен. Затих чайник. Успокоилась вода. Спокойствие, только спокойствие.

На арене появляется новое действующее лицо во всей своей красе с еврейской фамилией Заварочный. Такой гордый! Такой благородный! Белая фаянсовая кровь. Бледное лицо кухонной буржуазии.

Его нужно подготовить. И порция кипятка придаст ему чувств.

Теперь чай. Вода. Часы беспристрастно отсчитали необходимую паузу. Еще воды.

Утренние эксперименты в моей лаборатории в полном разгаре.

Вот ОН. Терпкий напиток. Готов.

Каждый сыграл свою роль на этой утренней сцене под чутким режиссерским руководством одного человека. Красота импровизации. Сыграли отменно. Один раз. И как! Ярко. Без остатка. Погибли ради искусства. Бросились в жерло страстей. Отдав всего себя. Смерть во благо. Спасибо за прекрасную игру. Фатальную утреннюю игру.

Вы сделали мое утро прекрасным. Единственным. Незабываемым. Все это было для Тебя.

Спасибо вам, мои маленькие кухонные друзья.

Всем спасибо.

Сцена номер 2. В ней Ты с удивлением узнаешь, что такое физика твердых тел

Действующие лица и исполнители:

Торт «Прага»;
Нож;
Блюдец;
Чашка чая;
Ложка чайная;
Кресло;
Книга;
Табакерка;
Папироска;
Зажигалка;
Пепельница.

Под ногами вертится дикое, но уже давно одомашненное когда-то и кем-то животное из семейства кошачьих. Без имени. Если погибнет, похороню как неизвестного солдата, но, как говорится, до кремлевской стены далеко, так, где-нибудь, под фруктовым деревом, на любезно предоставленном мне нашим щедрым государством участке в 0,06 га. Тебе часто приходилось хоронить домашних, иногда животных. Хочет тоже позавтракать пока живое. Жизнь – это голод. Жертвую краковской сочинского мясокомбината. Пусть. Ташу в летний коридор свое любимое кресло, в котором любил сидеть мой дед и с диоптрическими очками, после 150—200, сосредоточено смотрел черно-белый телевизор «Таурас 207», переключить который, не вставая с места, можно было, только если отдать команду горячо любимому внуку. Позже, когда ручка переключателя отвалилась, использовал плоскогубцы. Советские технологии. Чудо прибалтийских приборостроителей. Позже, когда оно чуть подизносилось, мы с отцом (больше конечно он), отремонтировали его: вспоров ему брюхо, и выпотрошив его истлевшее содержимое, заменили его новым. Папа, в процессе, ругался. Относя свое негодование то на кресло, то на меня, аргументировано утверждая, что ни я, ни оно не доставляют ему особого удовлетворения. Кресло – потому что оно ему не помогает, я – потому что помогаю, но не правильно. Ремонт проходил очень эмоционально. В эпитетах папа себя не сдерживал. Не те привычки. Эхо бригадирства. В ход шли довольно интересные, я бы даже сказал, смелые идиоматические комбинации из великого русского могучего. Лилось как песня. Но получилось красиво. Ведь песня нам строить и жить, как говорится. Справа от кресла я ставлю великолепной красоты авторскую работу неизвестного мастера – кухонную табуретку, с четырьмя откручивающимися против часовой стрелки ножками и ламинированным верхом. На нее водружаю любимый подарок любимой: пепельницу в виде хорошо загоревшей девушки с размером №3 и глубоко декольтированным легким верхним одеянием цвета листа молодого хрена, весьма изящно подчеркивающим значение глубины этой цифры. Выражение лица томное. Глаза полузакрыты. Рот полуоткрыт. Скорее всего, по причине производимого ею действия: в правой ее глиняной руке тлеющая папироска.

Зажигалка какого-то малоизвестного производителя из густонаселенной провинции на севере Китайской народной республики. Импортная. Трофейная, стало быть.

Из гулко работающего на высоких оборотах и исправно гоняющего по медным трубкам, уже не первый год фреон, холодильника «Свияга» на свет извлекается торт «Прага».

О! Этот торт! Торт-мечта. Нож мне, скорее нож, нужно резать! Я в роли хирурга, профессора Пирогова. Аккуратно раздвигаю мягкие ткани, и взору моему предстает сочные слоеные шоколадно ванильные внутренности пациента Кондитерского. 2 по 1\12 аккуратно ложатся в мое блюдо. Одного было бы мало. Спасибо – не мне! Спасибо – ножу! Блюдо занимает свое место на импровизированном столе рядом с мулаткой. Туда же книга. Туда же чашка с горячим ароматным черным крепким чаем, с однокоренной ложкой. Из второго отделения навесного шкафа, слева от прямоугольного кухонного стола, предназначенного для бакалейных товаров, типа рис, достается заранее приготовленная, уже початая, купленная по случаю пачка «Беломорканал». И, наконец, табакерка. «Хэшбанка», – как говорит сестра.

Можно начинать.

Обычно, очень хорошо – это осеннее утро октября. Но, в принципе, в каждом времени года в наших местах есть какая-то своя прелесть. Мне – осень, а кому-то – лето. Хотя летом тоже хорошо, только как-то по-своему, по-летнему.

В армии это называется форма одежды №4. Так, легкая куртка цвета хаки поверх основных аксессуаров.

Сядь в кресло, бери минутную паузу. Просто сиди. Просто смотри. Слушай. Мысли покидают голову. Чистота. Пустота. Такая редкая. Обычно, в нее лезет всякая всячина, отвлекает, заворачивает, закручивает, не дает сосредоточиться на красоте, а ведь она – есть! Да еще и какая. «Красота по-американски» кстати, хороший фильм, рекомендую настоятельно: при малейшей возможности не упустите удовольствие насладиться одновременной красотой и грустью простоты.

Пачка «Беломора» (штaketник) вскрывается интересным образом, если обращал внимание: отрывается только квадратик верхней части площадью в четыре папиросы, но не до конца, а делается некое подобие крышки из той же части уголка. Советское ноу-хау. Легким постукиванием пальца по доньшку, на свет появляется папироса. Проводишь указательным и большим пальцами по всей ее длине, при этом слегка покручивая. Потом слегка разминаешь ее табачную голову, аккуратно, чтобы твердые части не порвали бумаги. Иногда, и даже чаще, встречается целые бревна, поленья, сучки и задоринки. Табачный лесосплав. «А из чего же вы «Беломор делаете, – спрашивают члены комиссии, – Так мы ж еще не подметали, – отвечают рабочие!». Я думаю, что папиросоделы не особо задумываются над фракцией табака, потому как вероятнее всего догадываются: для каких целей он приобретает, и кто отдает предпочтение данной торговой марке. Табак, тем временем, размят. Мощный выдох освобождает папиросу от неправильного содержимого. Как подзорная труба. Пустота. Такая редкая. В ней уже нет всякой всячины, которая отвлекает, заворачивает, затуманивает, не дает сосредоточиться на красоте, а ведь она – есть.

Элегантный мизинец с белым, ровно обрезанным маникюрными ножницами и обработанным пилочкой ногтем, изящно совершает загиб на конце твердого основания и делает пятку. Зубы впиваются в другой конец, в самый край. В самый-пресамый и, не выпуская, стягивается тонкая, как первый ледок на лужицах, папиросная бумага. Стягивается на столько, на сколько хочется: кто-то тянет практически до края пятки, а кто-то и до середины не дотягивает. Может там по состоянию здоровья или по морально-этическим соображениям, не знаю. Остановился на середине. Достаточно. Вполне достаточно. Хотя, кому-то и лето нравится больше чем осень.

Баночка. Под ее крышкой лежит настоящий табак. Дорогой табак. Правильный табак. Редкий табак. Ароматный табак. Хорошей фракции. «Помол номер ноль», – сказали бы следобитчики стахановцы, вытирая пот с широкого лба рукавом серой спецовки, выбираясь из глубокого забоя, набежавшим на них корреспондентам газеты «Гудок». «Пять звезд», – сказали бы бутлегеры-дегустаторы, облизывая губы и слегка прищуривав глаз, поигрывая на свету широким бокалом с темной жидкостью откинувшись в кожаное кресло, и, чуть помедлив, ставя оценку

в дегустационную карту под вспышки, аккредитованной на выставке прессы. Долой крышку! Вот он! благородный цвет. Ноздри жадно втягивают амбре. Хорошо. Папироска выравнивается и слегка подсушивается огоньком до легкого вафельного хруста, при необходимости. И ты начинаешь заполнять ее содержимое. В баночке – убывает, в папироске – пребывает, а в целом все остается в балансе. Сообщающиеся сосуды. Чистой воды физика. По физики, если честно признаться, у меня была тройка. Нетвердая. Ближе конечно к двойке. Жутко не понимал этот школьный предмет. Учительница была молодая выпускница Карачаевского государственного педагогического университета, Зурида Мухамедовна. На уроках было больше смешного, нежели поучительного. Но отличникам это не мешало. Каждому – свое. А теперь я занимаюсь другой физикой: физикой превращения твердых тел в газообразные посредством физико-химических реакций. По химии, было не лучше чем по физике. Николай Дмитриевич. Он был из той обычной школьной компании, куда входили, кроме него, еще физрук Юрий Викторович и трудовик (эти менялись чаще, чем физруки, поэтому имя не вспомню). Николай Дмитриевич любил рассказывать, как он, будучи студентом одного из многочисленных советских ВУЗов, проходил практику на Одесском заводе шампанских вин. Особенно живописно он повествовал об этом после небольшой паузы, которую брал, удаляясь за дверь с надписью «Лаборатория». Заманив туда одного из учеников, отсчитывая купюры, он в вежливой форме выражал просьбу о вояже в близлежащий магазинчик за бутылочкой. Ученик тихо кивал, пряча шуршащую сумму в карман школьных синих брюк, и с радостью покидал урок. Со временем рассказы Николая Дмитриевича становились все чаще, а паузы для визита в лабораторию все длиннее. Оно и понятно: какой интерес в рассказах о химических основаниях и солях калия группе подростков подверженных дикой гормональной атаке. «Какие к черту соли калия!» – думал Николай Дмитриевич выдыхая дымок в лабораторскую форточку и ставя мензурку в шкафчик.

Неспеша, используя обратную тягу, продолжаешь уменьшать объем содержимого баночки, до момента полного наполнения папиросы.

Дай папиросочку!

У Тебя брюки в полосочку!

П. П. Шариков

Слегка утрамбовываешь, постукивая о ноготь большого пальца. Немного оседает. Еще немного тяги в себя. Еще постучать. Еще осело. Достаточно? Достаточно плотно.

Конец папироски заворачивается конвертом и натягивается, параллельно его при этом покручивая и разминая пальцами придавая нужную твердость. Готово.

Говорят, что делать сигары – это целое искусство. Это как писать картину. Ваять. Маленький утренний шедевр. Заколотенная папироска. При одном только виде которой, чувствуешь уже легкое возбуждение от предвкушения вкушения запретного плода. Все готово к следующей сцене.

Сцена № два точка один

В ней Мы погрузимся в мир наркотических иллюзий, прикоснувшись к прекрасному, сделаем пару лирических отступлений, затронем удовольствия и порассуждаем о государстве

Часто голову посещает вопрос: почему свободно продается алкоголь? Или табак? Или лекарства? Любые. Захотел – пришел – заплатил – получил – получил удовольствие. Отличная последовательность.

Прекрасная, выгодная для государства система: система лицензирования отдельных видов товаров и видов деятельности. Комитеты, чиновники, налоговые инспекторы, постановления, определения, суды, штрафы, взыскания, приставы. Московские комиссии, подкупы, взятки, звания, должности, интриги, лизоблюдство, мздоимство, государственный шантаж, пришел – заплатил – получил – получил лицензию и никаких вопросов, очных ставок, свидетелей, следственных экспериментов.

Или другая не менее выгодная система – система здравоохранения: экзамены, колледжи, университеты, академии, кафедры, клятва Гиппократы, распределение, больница, поликлиника, диспансер, медсанчасть, медсанбат, медсестра, медбрат, белые халаты, стетоскопы, терапевты, пациенты, жалобы, анамнез, рецепты, доноры, реципиенты, фармацевты, провизоры, аптеки, пришел – заплатил – получил – получил облегчение.

Захотел – получил. Только плати. Плати за удовольствие, облегчение твоего страдания, легально, официально, публично: «Ой, ну что ты право, какой там „Анальгин“, я – исключительно „Солпадеин“. Моментально действует, как рукой снимает, сразу забываешь о боли, прекрасный препарат, и без рецепта, и в любой аптеке, Люся, скажешь тоже „Анальгин“!?!». «Ой, ну что ты право, какой там „Вог“, я – исключительно „Давыдов“. Такой аромат, просто обалдеть, и умеренно крепкие, а то куришь этот „Вог“ как сено, Лена, ну, в самом-то деле, а?!». «Ой, ну что ты право, какая там „Ледниковая“, я – исключительно „Гжелку“. Вкус мягкий, пьется легко, запах приятный, приход такой интересный, не то, что эта „Ледниковая“ с демидролом, от нее то бычит, то вырубает, и по утрам подышаешь. А „Гжелочка“ – милое дело: утром никакого похмелья, голова свежая, бодрячок, и цена нормальная, и практически в любом магазине, Эдуард, чего ты!?!»

Легально. Официально. Публично. Так почему-то можно. Так – пожалуйста. Так разрешено. Кем-то. Нет, ну, конечно, Минздрав предупреждает, и люди вроде сплошь грамотные, хотя и надписи не очень-то и останавливают, а скорее наоборот, срабатывает детский принцип: нельзя – значит что-то вкусное, что-то взрослое, нельзя – значит сделать назло. А кому? Себе разве что. И ведь это выгодно государству, чтобы люди много пили и много курили: акцизные сборы, цирроз печени, рак легких, фармацевтическая промышленность, ускорение оборачиваемости оборотных средств, студенты медики не остаются без работы, патологоанатомы опять же. Тут же расходы на пропаганду здорового образа жизни, министерство культуры и спорта, бюджет, обсуждение, поправки, законопроекты, прения там разные. Бытовая преступность, ножевое, огнестрел, брошенные дети, суициды, насилие, криминал, глухарь. Возводятся новые исправительные учреждения, строительная промышленность испытывает бум. Открываются филиалы юридических академий, чьи выпускники тоже не останутся без хлеба на ниве участковых и оперуполномоченных. Карьерный рост, кривая преступности, низкая зарплата, невысокая раскрываемость, ларек, купюра, покупка, потребление, чрезмерное потребление, предупреждение о его вреде, детский принцип, 03, 02, реанимация, свидетель-

ство о смерти, бюро ритуальных услуг, венки, гроб, поиски хорошего участка, взятка, пьяные могилокопатели, слезы родственников, удары по крышке, погребение, горсти земли, счет к оплате, поминки, люди, 9 дней, 40 дней, 1 год, 2 год, все. Вот те и история.

Задолго до момента рождения, и еще долго после смерти, люди придумавшее государство расплачиваются с ним, каждую секунду, каждое мгновение. Хотя, у Нас ведь государство – это группа широкоизвестных лиц по предварительному сговору. Фамилии их известны. Портретами их пестрят периодические издания и стены кабинетов их единомышленников. Ну, может, они даже и не единомышленники, а просто поймали нужную волну и, как говорится, дуют в одну дудку. Они даже, если нужно, чёрта в рамочку заведут на рабочий стол, лишь бы дивиденды капали. У Нас можно украсть бутылку пива и сесть года на три, подняв тем самым графики раскрываемости. А можно, скажем, легко присвоить, скажем, миллиард-другой, ну или там грохнуть пару тройку мешающих спокойно это делать, и ничего: откупился – и продолжаешь улыбаться с телеэкрана и резвиться в эфире телешоу. Принцип такого государства Нам вполне понятен: Всё для Себя – ничего для Них (т.е. для Нас), сами как-нибудь выкарабкаются, чё-нибудь придумают, потерпят. Ну, так вот. Была бы воля государства, оно бы сразу после рождения вживляло чип в голову, который бы отмерял количество потребленного воздуха. Не, ну а че, очень удобно: дистанционное управление, вовремя не заплатил, нажали на кнопку и дыхание секунд на 30 прекратили, остановили доступ воздуха. Это хорошо если на вдохе, а если на выдохе: стоишь, например, в очереди в кассу с квитанцией за воздух, а тут, бах и подача прекратилась. Конвульсии, опять же. Очередь, хотя, спокойно к этому. Этого со временем в норму войдет. Вот весело будет. Государство старается изо всех сил, чтобы влить в человека как можно больше, заполнить его, обставить его мебелью, красиво одеть, развлечь, ублажить, окружить его заботой, растить его как растение. Припугнуть, показав, как может быть плохо. Заставляет человека бояться, бояться жить. Государство держит человека в постоянном страхе, за жизнь, за здоровье, за жилище, за машину, за работу, за карьеру, за потенцию, за молочницу, за волосы, за зубы, за простату, за жопу. Больно – таблеточку, грустно – стопочку, нервничаешь – сигаретку, очень больно – только по рецепту, очень грустно – еще одну, сильно нервничаешь – пачечку, очень сильно нервничаешь – укольчик. Все для человека – все из человека. Огромные деньги на страхе. Страховые компании. Страховые агенты. Агенты государственного страха. Выжимают как лимон. СПИД! Угроза! Безопасного секса – нет! И тут же заставляют людей размножаться. Ой-ей-ей! Снизилась рождаемость! Субсидии, президентские программы, бонусы и премии за рождение второго ребенка. Еще бы! Государство обеспокоено, государство несет убытки: из кого же извлекать? Если людей становится меньше – государство становится беднее. А обороноспособность? А военно-промышленный комплекс? Плодитесь и размножайтесь! Человек начинает метаться между страхом и желанием. Государство его соблазняет: реклама, мода, стиль, фетиш, тенденции, престиж, уровень жизни – это пряник. Государство его пугает: преступность, вирусы, эпидемии, наводнения, сели, катастрофы, инцест, фальсифицированные лекарства и продукты – это кнут. Человек впадает в транс. Он мечется. Внимание его рассеяно – и это хорошо для государства. Оно потирает руки. Оно может теперь легко манипулировать этим человеком, которого ввело в состояние протрации. О! Великая медиасила – телевидение, журналы, газеты, радио, Интернет. Сила, которая формирует штампы и шаблоны, которая программирует, которая превращает человека в потребителя, социального червя. Миллионы червей перерабатывают красиво упакованные отбросы, в прекрасный чернозем. Черви делают свою каждодневную, рутинную работу. Государство – свою. Государство – это изощренный фокусник, манипулятор-извращенец. Оно создает ему иллюзию, которую называет обеспеченной жизнью, и государство в этом преуспело. И человеку нравится эта иллюзия, он с радостью ее принимает. Ведь государству нужны новые потребители. И как можно больше. Больше! Еще больше! Вот и он! 4300! Крепыш! Подгузники, участковый терапевт, присыпка, распашонки, памперсы, детский сад, коклюш,

школа, прививки, институт, диплом, свадьба, квартира, работа, женитьба. А вот и он! Еще один гражданин! Отлично! С первой цифры, пожалуйста!

Сцена 2.1.1

Здесь Мы узнаем немного о Японии, алкоголе, взятках, отважных людях в серых шинелях, столкнемся с суровой статистикой и силой Желания

А тут вот другое. Иное. Растет себе растение. Растет да и растет. Можно даже самому немного попривыкать к земле. Новатор-земледел. Бросил семечку – и все дела. Конопля. Казалось бы. С 1га конопли выход целлюлозы больше, чем с 1га тропического леса в 3 раза. Факт. Один дотошный японец, кстати, коноплевод по образованию, а больше, думаю, по убеждению, подсчитал и ахнул. Он, можно сказать, про sake даже и думать забыл, когда его восточному взгляду предстала такая арабская цифра. Понятно, что взгляд его, и это легко представить тебе как развитому читателю, на какое-то время стал сугубо европейским. Оно и понятно: простое растение, а какой эффект. Ошеломляющая статистика. Собрал, подсушил и в баночку или там, на веревки, ну или масло, на худой конец, чтоб скользило хорошо. Но так нельзя. Это не нужно государству. Не выгодно. Почему? А ты представь масштабы производства алкоголя, хотя бы на секунду. В каждом мало-мальски уважающем себя захолустном городишке дымит алкогольная мануфактура с конвейером, по которому круглосуточно движутся аккуратными рядами, звеня стеклянными боками разноцветные бутылочки. Они подъезжают к дозатору, он вливает в них порцию зелья, укупоривает красивой пробкой, ловко клеит этикетку и складывает в типоразмерную гофротару. Где-то, примерно, 1000 бутылочек в час, допустим. Вот. А теперь умножим на количество мануфактур: по просторам РФ, ну где-то пускай 500 легальных и 500 нелегальных. Итого: 1 000 000 бутылочек в час. Если такое количество производится, то значит, такое же и выпивается. Это в час и по нашим самым скромным, я бы даже сказал, детским подсчетам, не обремененным грубыми цифрами МВД. Это море растекается на содержание армии, пенсии, пособия, выплату внешнего долга, госаппарат, субсидии и субвенции, и, самое главное, взятки. Взятка – это вода, а человек из нее на 80%. Вот и думай, как без нее человеку-чиновнику. А ГИБДД? Так эти товарищи и вовсе потеряют 50% дохода. Нет, даже 90%. Да если такое случится, то средний вес сотрудника уменьшится на 40—45%, и станут они стройными и злыми, что не очень хорошо для автолюбителя. Злобится они начнут, и свирепствовать. Размеры этой гос. машины просто фантастически. А вы предлагаете перейти на растительное. И что, вы еще наивно думаете, что это выгодно государству? Государству, построенному на алкогольной зависимости. Наше государство – это государство, живущее за счет алкоголизма, а потому, чем больше Алко зависимых – тем ему лучше. А крики и возгласы о здоровом образе жизни – это чистой воды популизм, громкие пустые слова плотных краснощеких чиновников, чьи заплывшие жиром затылки лоснятся под светом дневных ламп в красиво обставленных кабинетах администраций разных уровней, под тихо шумящими кондиционерами и мерно вращающимися вентиляторами, кожаными креслами. А в коридорах власти, на жестких стульях, со впалыми уставшими глазами на бледном, изрытом морщинами бесконечной борьбы за выживание лице, сидит старушка, мужа которой догнал осколок на Курской дуге, и терпеливо ждет, когда до нее дойдет очередь и она получит заветную справку, которая позволит ей платить за воду 50%, т.е. платила 300 руб. в месяц, потому как сэкономила, теперь будет 150 руб., а на сэкономленное можно побаловать себя синим, говяжьим мясом, да чуть гробовых отложить, чтобы в чистом уйти. «Да ..., – думает чиновник, потягивая вино за 150 у.е., – жизнь...». Замкнутый круг какой-то, если который разорвать, например, ограничить продажу резко, то рухнет вся система и страна погрузится в хаос и анархию, начнутся винные погромы, а там и до революции рукой подать. Опасно, однако. Одну минуточку...

Нужно немного смочить слюной, чтобы равномерно тлела. Слюна, вообще, хорошая вещь, помогает в определенных ситуациях справиться с неожиданно возникшими трудностями, когда законы физики сильнее твоего желания, и сила трения обратно пропорциональна коэффициенту увлажнения, и вот на помощь приходит она – волшебница слюна!

Легким движением шершавого колеса, высекаешь искру из кремня + газ = огонь. Принцип не изменился. Вот он волшебный момент...

Бумага первая принимает на себя удар огня, затем табак. Жадно втягиваешь. И первый утренний дымок, смешиваясь с ароматом раннего октябрьского утра, поступает в твои могучие молодые легкие. Зажигалка уходит со сцены. Теперь дуэт. Я и Она. Человек и Папироса.

Она, как фильтр, между реальностью внешней и реальностью внутренней. Она наполнена веществом, которое разделяет, убирает все лишнее, превращает в дым все то, что мешает увидеть вещи глубже, проникнуть в самую их суть. Распознать главное. Убирает иллюзию бытия. Рушит ее. Превращает в пепел, который ты сбрасываешь легким движением руки. Когда ты дышишь, ты получаешь информацию извне, она входит в тебя, наполняет тебя, ты воспринимаешь ее, становишься ее частью. Не дышишь – не живешь, не получаешь информации. Следовательно, смерть – это прекращение поступления информации. Но тут в дело вмешивается огонь. И на пути у внешней реальности он встает стеной. Он смешивает ее с настоящим табаком, сжигает ненужное, и оставляет лишь суть. И ты вдыхаешь эту новую суть, на секунду задерживаешь ее в себе, и она вытягивает из тебя всего тебя, загруженного суетой и маетой, которая завлакивает, закручивает, мешает увидеть красоту, а ведь она – есть, и чтобы ее увидеть, чтобы наполниться ею, сначала нужно очиститься, сделаться пустым. И она создает пустоту, и ты выдыхаешь все лишнее во вне, опустошаешь себя. Первая затяжка – самая главная. Это первый шаг. Первая ступень. Это начало. Начало твоего утреннего ритуала прикосновения к сути. Суета уходит с легким дымком и растворяется, будто ее и не было. Да...

Еще одна...

И начинаются изменения...

Конечно, не каждый пробует эту правду. Замечал, что некоторым людям с трудом дается принятие решения. Еще бы! Страх ответственности! Валить-то не на кого. Уж проще быть исполнителем, идти на поводу. Экзистенция, однако. Смелость? Насколько? Насколько хватит жизни. А сколько ее отпущено? Ну, по крайней мере, на этой планете солнечной системы, кружащей где-то в одной из вселенной, одной из галактик, входящей во Всё. Просто хватит. Очень все просто. К этому приходишь не сразу. В начале, ты осознаешь, поверхность вещей, так, оболочку, скорлупу что-ли.

В 1998 от рождества Хрвистова, я был призван, а вернее пошел добровольцем на службу в Вооруженные силы мною горячо любимой Российской Федерации. Моему товарищу пришла повестка, а мне – нет. Обидно почему-то стало: «Да, неужто, не в силах моих молодецких Родине послужить какой-то там годик? А смогу!» Такой это, юношеский патриотический угар. В военкомате немало были удивлены утренним визитом незнакомца. Всмотривались в мое волевое лицо, пытливо пытаясь на глаз определить вменяемость. Для них это был нонсенс. На длинной синей деревянной скамье, стоявшей вдоль стены, на которой висели серо-зеленые плакаты, изображавшие действия граждан во время химической, радиационной и бактериологической опасности, в кабинете, где хранились личные дела призывников, сидела женщина, лет 50 и, вытирая слезы, навзрыд, раскачивалась как на еврейской молитве, приговаривала: «Да боже ж мой! Да зачем же тебе это, деточка?». Рядом с ней сидел сын. Субтильного телосложения, с молочными усами, легкими синими оттенками под нежно голубыми глазами, тонкими светлыми волосиками на подбородке и застегнутой на молнию под самое горло синей олимпийке. Судя по его лицу, он и сам не сильно горел желанием, побыть на страже рубежей хотя бы некоторое время. Может, он был единственным сыном в этой, вероятно, неполной семье, возможно муж этой женщины погиб при выполнении какого-нибудь интернационального долга

или ответственного и очень секретного задания в далекой жаркой африканской стране, где слоны ходят по улицам и суют свои хоботы куда надо и куда не надо. Хамы. И она цепляется за то немного, мужское, что осталась в ее жизни. Возможно, после смерти мужа, всю свою любовь и заботу она отдала этому молочному юноше. Понятны, ее чувства, когда то, что она холила и лелеяла долгие годы, не спала ночами, качая малютку в кроватке, стирала грязные от какашек пеленки, пела колыбельные, сцеживала молоко из груди и хранила его в холодильнике. Старик-отец, слегка безумный, пил тайком то молоко, ностальгируя о детстве. И тут, этот труд забирают от нее неизвестные, малоприятные люди в серо-зеленой форме, в малопривычных ей, простой женщине, целях в совершенно непонятном направлении, на неопределенное время, без каких бы то ни было гарантий с их стороны о возврате. Причем, в том виде, в каком брали в эксплуатацию. Ради кого? Ради чего? Ради чьих интересов? Неужели мало людей и вам нужен именно мой мальчик? Сатрапы! Душегубы! Мать можно понять. И слезы ее говорили об этом. Я промолчал. Наши с ней точки зрения по этому вопросу, в то время, разошлись диаметрально противоположно. Выписали повестку – попал на комиссию. Почти голые призывники. Из одежды – личное дело. Хирург: «Наклонитесь, раздвиньте». С интересом рассматривали. Что-то искали, наверное. Может полезные ископаемые, я не знаю. Терапевт: «Дышите. Дышите!? Замечательно!» Окулист. М Н Б К. Прекрасно! Дерматолог: «Оголите! Великолепно! Ничего подобного не видели! Просто неземная красота! Одевайтесь!» Некоторые призывники были с тонкими, некоторые, с толстыми. Юноши с толстыми личными делами, для армии, судя по реакции комиссии, не очень то были и необходимы. Юноши тоже это понимали. Они глубоко вздыхали и, с тоской в глазах, рассказывали внимательно слушающим и, не теряющим времени, одновременно прощупывающим их крепкими пальцами, людям в халатах, и сочувствующе кивали, продолжая сосредоточенно пальпировать печени и селезенки призывников, бужировали задние проходы. Мне дали степень ограничения номер 4: консилиум сошелся на мнении, что синусоидальная кривая моего сердечного ритма не в полной мере соответствует требованиям стандарта министерства обороны к поступающему в его безоговорочное распоряжение пушечному мясу. Желание отдать долг Родине было сильнее. Лег на дополнительное обследование. В течение 5 дней находился в терапевтическом отделении городской больницы. Весьма интересное место. Ночевал один раз. Хватило. Незабываемое бдение. Крики. Каталки. Капельницы. Дежурный врач. Кардиостимуляторы. Каждый час борьба за жизнь. Пограничная зона. Последняя станция жизни. Третий звонок театра абсурда. Молодая медсестра, меняясь в цвете застенчивого лица, делала клизму. Не могла попасть, пришлось направить. Господи! Укрепи и направь! Что характерно: процедурная и сан. узел отстояли друг от друга на расстоянии 20-ти метрового коридора. То было мое первое осознанное знакомство с эффектом, который производит клизма. А я то не знал. То была самая быстрая 20-ти метровка в моей жизни. Все решили сотые доли секунды. Баночка из-под майонеза, с написанной химическим карандашом, на аккуратно вырезанной из школьной тетради для математики прямоугольной бумажкой с фамилией. Каждые 3 часа. К утру собрался разноцветный сервиз. Кардиограмма. Эхокардиограмма. Рентген. Государство выворачивает человека наизнанку, если тот хочет достичь желаемого, причем, даже если это желаемое, в его же государственное благо. Ему нравится показать свою власть. Заставить прочувствовать всю ничтожность человека. Поставить его в удобную позицию, чтобы было сподручно управлять. Государство – это то, что против человека. Осторожно водят холодным стетоскопом по моей оголенной, еще не сильно поросшей груди, седовласая зав. отделением, женщина-врач внимательно вслушивалась в отзвуки рокочущего горячего юношеского сердца, и, глядя прямо мне в глаза, показывала головой из стороны в сторону, я же, не отводя глаз, кивал ей в такт, но только вверх и вниз. Я кивал убедительнее. Предупредила о последствиях. Я согласился. Она, со вздохом, подписала. Я с выдохом получил желаемое. Я – готов. Проводы в армию. Совершенно неизвестные люди за столом. Алкоголь. Много алкоголя. Тосты. Небольшая потасовка. Оргия на квар-

тире друга. Нормально, в общем-то, проводили, по-человечески. Ехали недалеко, пять часов. За это моим родителям пришлось заплатить. Военком предлагал, мне лично, на возмездной основе, называя определенные цифры, выбрать место на службе, методом тыка в карту. Я отказался. Родители нашли какой-то неизвестный мне компромисс.

Сцена 2.1.2

В ней Мы узнаем о нестандартном применении стандартных казалось-бы вещей, правду об апокалипсисе, чести офицера и коснемся вопросов дипломатии

Так вот, именно в армии я впервые столкнулся с таким явлением как коноплекурение вообще и в вооруженных силах в частности. Курили через 1.5 ПЭТ бутылку. «Бульбулятор», – объясняли на задержке дыхания знающие толк в это деле старослужащие. Возражать я не стал. Курили, по словам вкушающих, «Краснодарку». Организм принимал с трудом малознакомое еще ему запрещенное в легальном обороте вещество. Сильно кашлял, до слез, разрывая горло на части, и, тем не менее, не останавливался. Рота располагалась на третьем этаже. Поднявшись, я чувствовал себя как обычно. Совершенно никаких изменений. «Дрянь», – подумал я. Никакого мало-мальски, слышанного из рассказов невольных очевидцев и непосредственных участников, эффекта я не ощущал. Во время подобного рода размышлений, рука моя коснулась ручки двери с надписью «12 рота» и я вошел. Переступил. С этой мыслью я и шагнул в другой мир. Казарменный мир. Мир псевдотических иллюзий, сдобренный крепким портяночным амбрэ, прошибающим до костей. Это было похоже на волну, которая тебя внезапно окатила, ударив в первую очередь по нейронам и аксонам бритой головы. Все случилось, как если бы резко замедлить нормальное течение времени. Люди, ходившие в казарме довольно таки бодро, односекундно, как по какой-то невидимой команде, стали плыть. Движения их стали плавными, размеренными, как и мои. И я влился в этот кисельный ритм. Я проплывал мимо людей, обтекая их, стараясь не задеть. Голоса их слились в один монотонно приятный приглушенный гул, который заполнял каждое место окружающего меня пространства казармы, обволакивал своей рыхло-ватной мягкостью. Это звучало как музыка. Такая приятная. Такая расслабляющая. Я легко доплыл до своей двухъярусной железной кровати с серой прикроватной тумбочкой, которую еженедельно проверял сержантский состав на наличие запрещенных к хранению предметов. Остановился. «Что же я хотел? – металась в голове мысль – Ведь что-то я хотел, если пришел, а что? А хотел ли вообще? Но ведь пришел, значит, чего-то хотел! А чего? Чего пришел? Чё приперся-то, а?» Мысли нагромождались одна на одну как снежный ком, летящий с горы, медленно превращаясь в лавину, сметающую все на своем пути. Ух! Сердце толкнуло порцию в виски и в голове поплыло и загудело. Ух ты, бля! Присел на табурет и стал медленно осматривать окружающих: «Зверинец, какой-то, сборище животных. Люди-животные. Кентавры. Как вы живете? Разве так можно жить? Это ж скотство!». Мелькали какие-то сцены казарменного насилия. Внимательно всматривался в лица и понимал, что половина – имбицилы. «Мутанты», – как говорил товарищ сержант. Ух, зараза! Состояние алкогольного опьянения поблекло в лучах новых казарменных переживаний. Гениальные мысли прервал приступ дикой жажды. Скорее к воде. Поплыл к умывальнику классическим стилем, разгребая волны людей текущих навстречу. Повернул ручку крана и вместо ожидаемой бодрой струи, вода потянулась одной большой каплей. Я смотрел на это как замороженный. Простая вода, а как красиво. Я набрал ее в ладони, и, подняв их над раковиной, раскрыл: большая капля, медленно меняя одну причудливую форму на другую, парила в воздухе, отблескивая и искрясь светом дневных ламп. Какой восхитительной красоты полет! Капля тихо плюхнулась на дно раковины, превращаясь в пленку толщиной в одну молекулу, и вновь, какая-то неведомая сила собрала ее и потянула в слив. Она исчезла. Ее поглотила пучина лабиринта канализационных труб. Я снова набрал в ладони воду. И снова. И снова. Игра эта казалась мне бесконечно инте-

ресной. Я играл как в детстве, когда открываешь для себя какие-то новые вещи. Здесь была обычна вещь, только я нашел в ней для себя новое качество, взглянул в глубину, почувствовал силу простой красоты, которая была скрыта от меня. Это как нырнуть на морскую глубину с аквалангом, чтобы увидеть то, что есть, и только скрыто под толщей воды. Я чувствовал себя аквалангистом-первооткрывателем, постигающим новую, небывалую для него глубину, глубину переживаний, бездну новаторских ощущений. Я играл. Как в детстве. Люди, находившиеся в тот момент рядом, смотрели на меня и лица их принимали странное выражение, выражение пустоты, глаза не выражающие ничего. Я говорил им: «Смотрите, как красиво!» Но они не слышали меня. Они не видели этой красоты. Им не было дано. Не интересно им было. Скоты. Им были интересны только они, а не то, что вокруг них. Нашелся только один сочувствующий, который с завораживающей улыбкой и блестящими узкими, слегка увлажненными глазами с огромными черными зрачками, смотрел на мой водный аттракцион. Только он меня понимал в тот момент, в умывальнике, наполненном стадом. Да и понимал он меня и улыбался мне только потому, что тоже жадно пил воду и орошал лицо. Коллега! После водных процедур стало легче. Выйдя в коридор, взору моему предстали многие смешные люди. Они вызывали во мне смех. Они были такие забавные. Они радовали меня только лишь тем, что они были. Мир без людей был бы скучен. Представить на секунду: ты просыпаешься рано утром, как обычно, слегка почесывая определенную часть тела, располагающуюся чуть ниже спины, потягиваясь и позевывая, подходишь к окну, открываешь его, чтобы в комнату ворвались миллиарды звуков. «Что за хрень?!». А над городом-то тишина, не ездят машины, не дымят фабрики, не ходят люди. Не ходят потому, что они просто исчезли. Их нет. Ты остался один на этой планете. И что ты будешь делать? Вначале тебя охватит радость от ненаказуемой вседозволенности: магазины открыты, дома открыты, машины открыты, все двери открыты. Алкоголь. Наркотики. Порнография. Видеоигры. Жратва. Косметика (для девочек). Одежда. Машины. Парфюм. Пользуйся! Только нет телевидения. Нет нета. Нет радио. Нет газет. Нет информации. Нет коммуникации. Нет общения. Не с кем. Не кому. Не в кого. Что делать? Риторически вопрошал в свое время господин Чернышевский. И был прав. Скоро тебе станет скучно. Тоскливо. Невыносимо. Стаи обезумевших домашних животных наполнят города. Полчища крыс выйдут на свет. Из ближайшего леса придут волки и дикие собаки динго. Ты останешься один на один со своим отчаянием среди всей этой дикой флоры и фауны заповолившей твою естественную среду обитания. Выход? Можно покончить с собой. Можно окончательно сойти с ума. Или можно сойти с ума и покончить с собой. Только никто этого даже и не заметит. Потому как никого нет. Ты один. И твое висящее в петле грязной бельевого веревки мертвое тело с незакрытыми, красивыми глазами, открытыми в небо, будут клевать большие черные птицы-вороны. Пройдет еще немного времени, и на запах прилетят зеленые и черные, разнокалиберные мухи и превратят тебя в свой инкубатор. Ты займешь свое достойное место в кормовой цепи. Животным ты еще понадобишься, и твоя смерть будет замечена только ими. Но они ничего не смогут тебе сказать. О чем можно говорить с инкубатором? Быть может, они что-нибудь подумают. Только я не знаю что. Я не могу читать мысли животных. И на земле будут властвовать они, а не люди. Потому что людей нет. Да и по жизни людей очень мало. В основном животные. Кто-то думал о высоких материях: красота, справедливость, а тут армия! Везли нас четверых часа четыре-пять. В РАФике. Сопровождал нас майор с изможденным алкоголем лицом, покрытым усталой щетиной. У нас вид не многим был лучше. Сказывались проводы в армию: застолье, куча неприглашенных, водка, водка, водка, потасовка, женщины, сумбурное соитие на пососок, военкомат, слезы бабушки, напутствие родителей. Дорога. Ехали в основном молча, изредка перекидываясь фразами. Прибыли в большой город на перевалочный пункт. Заставили оставить сумки с заботливо уложенным домашним провиантом. Привели в помещение. Сказали раздеться. Если кто желал, мог отправить свои вещи домой, если нет – то они бросались в общую кучу. Куча была высотой метров пять: куртки,

брюки, кроссовки, ботинки, шапки. Гора человеческой одежды. Гора человеческих надежд. Прапорщик, переодевавший нас в форму, орал что было силы, отвечая на наши вопросы и запросы. Крик его, с бешено выпученными глазами, перемежевывался с какой-то материнской нежностью при обучении наматывания портянок. Портянки – носки русского солдата. Легкий шок. Видеть себя в форме с вещь мешком необычно и интересно. Сержант, в красивой черной морской шинели стал нашим проводником на следующем этапе. Ехали уже вечером на электричке. Вышли на каком-то полустанке. Шел снег. Было тихо, красиво и романтично. Сержант тоже был не очень то и разговорчив. Дошли пешком до ворот части. КПП. Территория. Лозунги: «Тяжело в учении – легко в бою». Подошли к двери двухэтажной столовой. Внезапно она распахнулась, и из клубов пара показались два худых, невысокого роста человека. Одеты они были в грязное, рваное, черно-зеленого цвета с закатанными до локтя рукавами. Тащили они такую же грязную алюминиевую кастрюлю, в которой плескались похожие на блевотину помои, от которых шел сладкий пар. Быстро шаркая не по размеру сапогами, люди удалились в темноте. Прошли через кухню. Повар-солдат бил солдата-дежурного тяжелыми сапогами по ногам, грязно ругаясь на плохо вымытый пол: «Ты, че блидина, так хуино вымыл! Мутант ебанный! А!?! Охуел что ли, долбоебина!?! Ну-ка, на хуй, еще раз прошелся тряпкой, мразина, бля!», – сопроводив последнюю фразу мощным подзатыльником и ударом в грудь. Солдат, став на корточки, начал водить по полу липкой на вид, отвратно-говенного цвета тряпкой. Нас напоили холодным, несладким чаем. Предлагали еще холодную кашу похожую на застывший клей. Отказались. Казарма встретила нас кислым запахом. Трое крупных парней с голыми торсами занимались на штанге. Один военный упражнялся в ударах на хлипком теле дневального (младшего дежурного), который молча сносил побои, стоя на тумбочке. Подъем в шесть утра. Отбой в десять. Режим. Маршировали до кровавых мозолей. В ленинской комнате, засыпая, читали устав гарнизонной и караульной службы. Тех, кого заставляли спать, отправляли на говно, т.е. чистить сортиры. Грязная работа. Были даже специалисты в этом деле. Стоило забиться очку в сортире, как дневальный громко и во всеулышание оповещал: «Рядовой Кожеватов – к тумбочке дневального!». Кожеватов – это человек легенда. Прототип стихотворения С. Я. Маршака «Чем пахнут ремесла». Своим умением он поражал всех. Он изумлял даже выдавших виды старослужащих. Имел он особый инструментарий: палку с намотанным на конец рукавом шинели. На вид это было похоже на факел. И вот, значит, этим факелом, Кожеватов продавливал засор, налегая всем своим весом, а если это не помогало, то закатив рукава, он черпал вручную. Отважный мальчик. Перед таким мастерством – солдатское дерьмо трепетало. В санчасти же все болезни лечили активированным углем, витаминами, мазали горло зеленкой, а если не помогало, били кулаком в грудь (пробивали фанеру) или в голову через подставленные пациентом ладошки в виде рогов (пробить оленя). «Помогло?», – спрашивал массивный медбрат с чубом на голове, потирая слегка покрасневшие костяшки кулака, после очередного мануального воздействия. «Помогло», – вздыхал больной и уходил тихо страдать в расположение роты. Эффективный метод. Действенный, я бы сказал. Привыкание к новой кухне опять же. Перестройка организма. Слово перестройка очень подходит, в данном случае к политике М. С. Горбачева: первые три дня – запор, следующие три дня – понос. Постоянное чувство голода не покидало даже во сне: снился прием пищи – сладкие солдатские грезы. Те же, кому посчастливилось идти в наряд по столовой, наедались до полуобморочного состояния, а после возвращения в течение всей ночи из них шумно выходил газ, отчего в казарме становилось невыносимо тепло и невкусно пахло. А поскольку на дворе был декабрь, то окна не открывали, отчего становилось еще грустнее. Сержанты ругались, однако голод все равно брал верх. Новый год встретили по-армейски: накрыли длинный стол на 120 человек. Из угощений вялые яблоки, разноцветный трансгенный лимонад и булочки. Сержанты пили водку. Некоторые курили марихуану. Бой курантов слышен не был, поскольку телевизор был неисправен, поэтому ориентировались на ручные часы и команду старослужащих. Вот тебе

и новый год. Телевизор все же смотрели: сержанты рассаживали всех на табуретки вдоль прохода и требовали от нас фантазировать, глядя в черный экран. Сеансы длились часами. Просто сидели. Так в нас вырабатывали выдержку. Конфликтовал с пьяными офицерами, за что был сослан в далекий Хабаровский край. Ехали весело. На большом военно-транспортном самолете. На поезде. Снова на поезде. Голод не давал уснуть. Организм требовал калорий. Воровал ночью у гражданских пассажиров печенье, хлеб и прочее съедобное. Ночевали на перегонных пунктах: спали в шинелях, подложив вещмешок под голову по 5 (пять человек) на двух сдвинуты кроватях, просто на сетке, без матрасов, в сапогах, чтоб не мерзли ноги, в полупустых воинских частях среди тайги и больших аэродромов, где было всего личного состава человек 100, тогда как положено 500. Пьяные офицеры, сопровождавшие нас, по ночам, припив в местном трактире и нарвавшись на местный характер, подняли нас по тревоге, среди ночи, и, построив, хотели повести на разбор. «Разъедем пидоров!!!», – кричал в умат пьяный старший лейтенант, еле держась на ногах. Второй, более трезвый, его кое-как успокоил, и поход перенесли на утро. Военные – народ озлобленный, склонный к причудливому насилию. В безымянной в/ч, куда нас в очередной раз приткнули, наблюдалось буквально следующее. Возник легкий конфликт между мной и местными, которые утверждали свое право и положение на вверенной им территории. Оно и понятно. Я не претендовал, но и не прогибался. Это их разозлило. Схема дала осечку. Один, во время диалога, занимаясь глажением формы, слегка разгорячившись, предложил мне альтернативу: «А если я тебе сейчас по ебалу утюгом!?!», – прищурившись и замахнувшись, спровоцировал один. «Пробуй», – ответил я. Тот криво усмехнулся. «Смелый что ли!?!», – процедил он, накидывая отглаженный китель. «Если хочешь», – ответил я. «А ну», – и направился к выходу. Я последовал. За мной вслед еще один. Зашли мы с местными для выяснения в клозет. Навстречу нам, завидев нас, поспешно туша окурок, выходил кто-то из нашей пересыльной группы. Местный, доставая сигарету из пачки, остановил его твердой просьбой и рукой в грудь: «Дай прикурить!». Тот судорожно начал шарить в кармане. «Нет, – остановил он его поиски – дай прикурить от своего бычка», – сказал он, указывая на струящийся из грязной урны дымок. Тот ответил, помотав головой из стороны в сторону, и предложил зажженную спичку. Местный сухо ответил: «Я хочу от твоего бычка», – и, не дождавшись ответа, начал проводить серию из жестких отточенных ударов. Наказание последовало за неисполнение прихоти. Бил сильно, аккуратно со спокойной жесткостью в глазах. Раздача шла полным ходом. Видя такой разворот событий. Я приготовился к худшему, к тому же местных было двое. Второй с безучастной тоской тоже периодически прикладывался к потерпевшему. Синхронное выступление завораживало и настораживало. Они буквально втапывали человека в бетонный пол, но по лицу не били. После чего один резко повернулся ко мне, по моему телу проскочила искра, и, протянув руку, он представился: «Сергей». Второго звали Магомед. Они, слегка разрядившись, успокоились, и тон их сменился на дружелюбный. Покуривая сигареты, мы говорили о службе, кто, откуда. Смеялись. Нормальные люди, если сбросить со счетов недавнюю расправу. Сергей дал совет: «Нужно быть аккуратнее. Смелость бывает фатальной. Был у нас тут один смелый в первом призыве. Днем то он одолел, а вот ночью, старые сняли дужки с металлических кроватей и сонного смельчака превратили в отбивную. Того отвезли в госпиталь, так она там пока и отдыхает. Уже полгода прошло. Поэтому нужно поддипломатичнее». Взял совет на вооружение. Помогало. Армия. Разрыв шаблона. Особая среда. Закрытый мужской коллектив. Прообраз тюрьмы. Тоже режим. Тоже ограниченная территория. Отсутствие женщин в казарме, компенсируется присутствием бромсодержащих веществ в ядовито-коричневого цвета чае на дубовой коре, как слабого гаранта крепкого стула. Да...

Сцена 2точка1точка3

А здесь Мы постараемся разобраться: чем отличается эксперимент от преступления и чем нам грозит будущее

Еще одна затяжка. Задержка вдоха. Медленный выдох для усиления эффекта. И снова мысли, цепляясь одна за другую, как петелечки шерстяных ниток, когда бабушка ловко работая толстыми алюминиевыми спицами, плетет канву, заплетаются и увлекают тебя в интересное путешествие по закоулкам твоего безграничного разума. Яркие краски осени не устают радовать. Листья тихо падают на землю. Из опавших листьев я нагребал большие кучи. Карабкался по высокой лестнице ведущей на чердак с пойманным домашним котом под мышкой. Кот бес- сильно свисая, надрывно выдыхал звук, характерный для его семейства. Истерик. Достигнув высшей точки, прицелившись и рассчитав траекторию, я подбрасывал котенка в воздухе, стараясь закрутить его в замысловатой комбинации переворотов и вращений. Постанывая, котенок мягко приземлялся в заранее приготовленный ворох осенних листьев с 6 (шести) метровой высоты. Травм у него не было. Разве что психологические, да и то по причине разрыва стерео- типа, что коты не летают. Ещё как летают! Ошарашенный кот осторожно выбирался из стога листьев. Бабушка, застав меня за тренировками кота, лютовала и посылала в меня проклятия. А за что?! Вон, например, некоторые мальчики привязав косточку за веревочку бросали их собачкам, те глотали их, а мальчики, движимые жадной познания, тянули косточку за веревочку обратно. Собачки от этого кашляли. Собачек от этого тошнило. Или, опять же, Иван Грозный. Тот котят с колоколен метал. Да. Заберется, бывало, на колокольню, взором оки- нет окрестности, народ внизу челом бьет, да шапки ломает. Бородку почешет, да как гаркнет: «Федька! Давай исчадь!»». Он к котам с недоверием относился. Он думал, что они из ада. Он так думал. Он царь, ему так можно думать. А кто возразит!? А Федька уже, чтоб государю уго- дить, уже полную корзинку котят с утра заготовил. Котята плачут. А Иван хватить одного и с коло- кольни. Уж очень ему, как государю, был интересен вопрос: «Почему они, гады, как их ни кинь, на лапы падают, а?»». Такой вот садист-естествоиспытатель. Как ни крути, если сравнить мои инверсии, с вышеописанными забавами, то я – гуманист. Все познается в сравнении. Ветра совсем нет. А они падают. Котята. Листья. Приходит время, и они падают. Меняют свой цвет, становятся золотыми. Абрикосовые становятся красными. Красные листья. На земле ковер, который стелют для тебя эти большие деревья, радовавшие тебя весной цветением, летом пло- дами и прохладной тенью, отдают последнее. Они устали. Они хотят спать и как люди раздева- ются перед долгим зимним сном. Я люблю деревья. Забираясь на самую верхушку, видно очень далеко. Выше только птицы и облака. Можно видеть, как вдалеке сидит такой же наблюдатель. Помахали друг другу. Поле зрения зависит от высоты положения. Когда я вижу, как люди пилят их, мне становится не по себе. Ну, понятно, там, в промышленных, скажем, целях. Оправды- ваются: дескать, без бумаги человеку ни автографа ни поставить, ни, я извиняюсь, в туалет не сходить. Это все отмазки. Мойте попу водой и выращивайте коноплю на целлюлозу. Всех делов то. Однако, это ж целая лесоповальная индустрия: дровосеки, лесопилки, импорт-экс- порт, мебель, ЦБК. Время само остановит эту мировую валежку. Технологии грядут. Электрон- ные книги, электронные газеты. Техника толщиной в газетную бумагу, с себестоимостью ниже бумаги. Легко сворачивается в трубочку, ну, или там, в сердцах скомкал и выбросил, а кто-то нашел, развернул и прочитал. Писать ручкой или набирать текст на клавише, станет ретро. Уси- лием мысли на носителе бежит твой текст, рисуешь картинки или даже анимируешь, или про- сто делаешь видеовставки из любимых, хранящихся в твоей памяти фильмов, моментов жизни

и прочей индивидуальной чепухи. При желании все это автоматически отражается в сети, хотя, по сути, ты и есть часть сети. Усилием мысли подключился и в реальном режиме, желающие, могут получить доступ к твоим мозговым файлам, зарегистрировавшись, заплатив за это предварительно условными электроденьгами. И вот, ты приходишь домой или в номер отеля. Персонала как такового может и не быть. А зачем? Посреди комнаты стоит аппарат. Назовем его, ИксДРеализатор. Мыслью ты заходишь в ресторан, скажем, или магазин, выбираешь нужное. Ну, например, спагетти балоньеze с мясным соусом. Оплачиваешь электросчет электросуммой. Думаешь «Старт!». И ИксДРеализатор, сублимирует из биологической субстанции, необходимую форму, цвет, вкус и запах выбранного тобою. Прямо в твоём присутствии. Пробираешь вилок. Причем вилка тоже синтезируется. Вкусно. Синтезируешь стакан с водкой. С холодной. Сидишь в кресло. И на стене проецируешь желаемое развлечение. Объемное. Устал. Не все съел. Кладешь это в спецотсек ИксДРеализатора: вилку, тарелку с остатками, стакан. Думаешь «Рециклинг!». И все это перерабатывается в исходную субстанцию, способную по одному твоёму желанию превратиться во все что хочешь. Хоть в женщину. Присел в кресло. Чуть напряг мозг и оно, ХЛОП, уже диван. Во всем этом великолепии есть, конечно, и риски. Проник какой-нибудь хакер к тебе в разум, стер файлы и ты не помнишь, кто ты, что ты. Или вирус проник в тебя, и ты морально деградировал или стал убивать без разбору или голым в метро ездить. Таких, будут направлять на биопереработку. На компомст. На сырье для ИксДРеализаторов. Специальная служба появится БИОПОЛИЦИЯ. Понятно, что на фоне этого возникнет целая индустрия антивирусов и антихакеров. Человек и машина станут едва различимыми понятиями. Возникнет новая социальная формация – технобиосреда. А пока, конечно, деревья нужны. Как же может мешать дерево, подставляющее под палящее июльское солнце себя и даря тень человеку. А человек вонзает в его тело сталь, разрывая его. Человек не животное. Животные не пилят деревья. Птицы лечат деревья. Человек – хуже животного. Человек это самое худшее, что есть у природы, с одной стороны, но и монета имеет свою оборотную сторону. И дерево плачет. Исходит соком, который некому дать. Дерево умирает. Дерево не хочет умирать. Оно хочет жить. Оно хочет давать. Оно хочет дарить. Оно плачет. А человек продолжает с остервенением рвать на части его плоть. Человек хладнокровно убивает его. Человеку не хватает места под солнцем. Но посадил ли ты это дерево? Дал ли ты ему силу расти? Дал ли небу воду, которое поливало его жадные молодые корни? Заставил ли ты светить солнце, которое отдавало себя каждому его листочку тянущемуся вверх? Может, даже, это дерево мечтало взлететь. Но человек не дал этого. Он убил мечту. Почему же человек не пилит свое дитя, которое тоже тянется вверх? Как можно!? Варварство. А дерево вот можно. Оно не сможет ответить. Оно будет терпеть. Оно будет тихо плакать. Как та мать в военкомате. Дерево – это всего лишь дерево. Человек, как вирус: захватывает, уничтожает, пожирает. Страшный вирус. Он растет. Он крепнет. Но как долго он будет еще думать, что он властелин природы? Пока это не выстрелит как из рогатки. Вопрос. А человек продолжает ее растягивать.

Сцена 2.1.4

В ней Ты обратишь внимание на то, на что обычно даже не обращаешь и постараться понять, что же такое на самом деле преданность и справедливость

Еще затяжка. Задержка вдоха. Медленный выдох для усиления эффекта. Говорят, желтый – это цвет несбывшейся мечты. А мне нравится осень, чтобы там ни говорили. Как-то спокойно на душе. Делаю пятку. Пошли центра. Любил в детстве еще фантазировать. Люблю и сейчас. Рисую радужные картины яркого, успешного будущего, в котором все получается, в котором легко преодолеваешь препятствия на пути к цели. Иллюзии. В жизни немного по-другому. Но такие приятные иллюзии. Словно погружаешься в другой мир. Сплетенный из твоих сокровенных мыслей. Твоих желаний. Красивое, гармоничное созвучие растворяет тебя. Чувствуешь себя частью чего-то неизмеримо огромного и растворяешься в нем. Перестаешь себя ощущать как нечто отдельное. Эти деревья становятся частью тебя. Эта книга. Этот чай. Это все ты. И чай. И дерево. И книга. Бесконечно интересная книга, которую ты заморожено, читаешь каждую секунду своего существования, жадно перелистывая, желая узнать, что на следующей странице. Читаешь и когда бодрствуешь, и когда спишь. И не устаешь. И не перестаешь удивляться. Не перестаешь радоваться. Не устаешь познавать. Как только человек перестает удивляться – он гибнет. Он начинает искать этот ускользающий от него источник радости. Посмотри, на улицах лежат грязные люди, с опухшими руками и лицами, от которых пахнет мочой и грязным телом. Они не знали воды уже очень давно. Они не принимают ее. Зато, хорошо знакомы с водой огненной. И принимают ее как должное. Это для них источник. Они погибают. Вливая в себя из грязной бутылки смесь полутехнического спирта, водопроводной воды и демидрола. Суспензия. Псевдоэликсир. Алкоголь имеет свойство делать счастливые моменты короче, а грустные длиннее. А так хочется счастья. Чуть больше счастья. Значит нужно еще немного алкоголя. Они подходят к тебе с просьбой о материальной помощи, и ты брезгливо отворачиваешься, понимая, что рубль, который ты дашь, перекочет в руки делателя пошла, и пропнется и это рубль в надежде обрести счастье, которое ты тоже ищешь, быть может, другим путем, не таким как он и тебе не приемлем этот путь, ты не уважаешь его путь. Бомж. Он обращается к тебе не за деньгами, он обращается к тебе за надеждой. Ты можешь дать не деньги, но надежду. Радуйся тому, что ты можешь давать. А ведь мог и не давать. Но не потому, что жадный, а потому что нечего. Бывший интеллигентный человек. Бич. Да, Ты можешь даже грязно выругаться, крикнуть на него или нее, с отвращением, с ненавистью, плюнуть. Он не сможет тебе ответить. Ты сильный. Ты трезвый. Ты успешный. У тебя семья. Жизнь удалась. У тебя власть. К тебе обращаются, протягивая руки, и твое чувство власти обостряется. Ты можешь прижать его как гниду к ногтю и раздавить. Ты можешь. А можешь и дать то, что не сможешь с собой унести из этого мира, и что твое очень условно и весьма относительно и скоротечно. Оно как вода в песок. Материальное. Не будь сволочью. Возможно, даже эти люди завидуют тебе. Они смотрят на тебя красиво одетого, хорошо пахнущего в новом дорогом автомобиле с климат-контролем. Может они тоже об этом мечтали. Только вот что-то надломилось, когда жена, с которой прожил 15 лет, родившая для тебя двоих детей, прекрасную дочь и великолепного сына, похожего на тебя сына, шла с ними, держа за руки. И они смеялись. Смеялись от того, что с ними их любимая мама, и что ни идут домой, и скоро увидят папу. А жена смеялась еще и от того, что сегодня утром узнала, что их будет больше, на одного или одну. А Он ждал их дом, и тихо напевая, приготовил нехитрый мужской ужин, чтобы немножко порадовать и удивить. Да вот только долгим оказалось ожидание. Во все это простое

человеческое счастье, въехало на высокой скорости рыхлое тело в синих майорских погонах, разбросав по мостовой детские тела и ничего не оставив от красивого женского лица грубыми резиновыми протекторами. Даже не затормозив, промчался дальше, весело болтая по мобиле, на фоне струящегося из динамиков шансона и медленно посасывающей разбухший майорский член проблядью. Громкий репортаж. Свидетели. В итоге – строгий выговор и перевод на другую должность. Откупился. Смягчили статью. Подтасовали факты. А Он хотел справедливости. Разыскал его через полгода. Дождавшись, вечером встретил его выходящего из сауны, все такого же рыхлого и веселого, в обнимку с новой блядью. Их взгляды на секунду встретились и холодная сталь, раздвинув жировые складки, остановила сердце майора. Он отпустил рукоятку. Майор, цепляясь за Его одежду, блуждая испуганными глазами по рукоятке и Его лицу, обмяк и хрипло завалился в снег. Блядь, прислонившись боком к забору и, прижимая руки к лицу, истошно-пронзительно, на высокой ноте, верещала: «А-а-а! А-а-а!». Он сел, на еще теплое тело, спокойно, закурил, посмотрел на красный снег и улыбнулся, глядя в высокое темное небо посыпанное звездами. Был суд. Срок. Отметка в паспорте и свобода, которая встретила его пустотой. Пошло не так как думали: золотые руки, работал на фрезерном станке. Творил. Жил. А его подвыпивший приятель, пошутил и слегка, хлопнул по плечу. Пальцы размолотило в фарш, пальцы скульптора, пальцы художника. Как мечтали... А ведь им говорили, что они чудесная пара, им предрекали радужную жизнь, они были согласны. Только доктора сказал, что у нее не будет деток. Он говорил, что останется, что главное – это их любовь, клялся, признавался, утешал, говорил, что ничего страшного, что главное, что они вместе. Она верила ему, отдавала себя всю ему. Он улыбался и целовал ее прозрачные теплые руки. Потом она увидела его с другой. Он сознался. Сцена прощания без слов. Он, собрав небольшой чемодан, закрыл за собой дверь. Он ушел. Она осталась одна. У него уже двое детей. У нее ни одного. Как надеялись, что все получится, должна быть правда, искали ее, боролись. Да вот только правда не приносит дивидендов. Если хочешь нравиться – то нужно обманывать. Только не каждый может обманывать. Кто-то не смог. И от них отвернулись жены, дети, друзья, все. И он остался один со своей несбывшейся мечтой. И годы уже не те. Да и мечта с течением времени немного потускнела, затушеввалась. Эти люди одиноки. Для них твоя фантазия о том, что все люди в один прекрасный день исчезли, для него – реальность. Они никому не нужны. Быть может, ты обращал внимание, что часто возле таких людей брошенные домашние животные, обычно собаки. Ты смотрел в глаза этим собакам? Ты видел, сколько в них грусти? Они служили верой и правдой своему хозяину, охраняли его имущество, имели теплую конуру, миску и сладкую кость. Да, за это собачье счастье приходится платить свободой, которая определяется длинной цепи. Но вот пес состарился. Зрение его притупилось. Зубы выпали. Нюх пропал. Лай еле слышен, так не лай, а хрип. И его выгоняют. За что? За то, что он отдал всю свою жизнь для человека, пожертвовав свободой. Человеческая благодарность. Посмотри в глаза этим собакам. И они тянутся друг к другу. И, быть может так, они делают друг друга немного счастливее. Две, брошенные души дрожат и жмутся друг к другу, когда приходят холодные осенние вечера, разговаривают друг с другом, понимают друг друга, кормят друг-друга, медленно бредя вдоль переполненных мусорных контейнеров с разбегающимися серыми крысами. А однажды кто-то из них не проснется. Собака будет долго сидеть и ждать, пока проснется его друг, даже будет трогать его аккуратно лапой, осторожно лизнет руку, лицо. Ткнется мордой в руку. Холодная. И все поймет. И завоет. Грустно, грустно завоет. А потом свернется рядом калачиком и никуда не уйдет. Некуда ей теперь идти, не к кому. А может, не проснутся оба. Так даже лучше. И ты не увидишь, проходя мимо них, как пар поднимается от их лиц. Два настоящих друга. Брошенный человек и брошенная собака. И где-нибудь, на той стороне реальности, они попадут в мир сбывшихся надежд. Собака – в собачий рай, а человек – в свой. Каждому – свое.

Сцена 2.1.5

В ней Мы узнаем, что такое настоящая грязь

Еще затяжка. Задержка вдоха. Медленный выдох для усиления эффекта. Кто-то приходит в муниципальную аптеку №12 и покупает шприц. Идет на рынок и покупает Ступинский мак, любезно производимый под контролем ФСБ, например. Идет в бытхим и покупает растворитель марки «Б». Вот и все что нужно, чтобы в результате нехитрого процесса превратить эти простые компоненты в несложное химическое соединение: кружечка, стеклышко, газовая горелка, кухня с плотными занавесками. Современные алхимики. Героинщики. Теофедринщики. Винтари. У них свой утренний чай. Особый. Через вату в шприц фильтруется грязь. Вата выжимается и не выбрасывается: пойдет на вторяки. Еще вата. Еще вата. И грязь – очищается. Из грязи – да в князи? Но это иллюзия. Тело пронзает тонкое стальное жало, оно лезет под кожу все глубже, оно ищет кровопровод. Находит. Проникает. И в кровь начинают поступать, посредством легкого нажима на поршень, кубические миллиметры катализатора иллюзий. Движение по вене псевдовещества начинается. Голос падает. Глаза мутнеют. Моторика замедляется. Теперь он может все. Не ведая страха. Лекарство от страха уже начало свою работу. Люди бегущие от мира. Бегущие от себя. Людям, которым не интересно, что дальше. Они остановились на одной странице и читают ее снова и снова. Зачитывают. Затирают до дыр. И в теле появляются незаживающие раны, а в душе дыры, которые он пытается залатать грязью. Внешнее – это проявление внутреннего. Они начинают гнить. Гнить изнутри. Они медленно себя умерщвляют. И им это нравится. Это как езда на карусели, вроде, как и картина движется, да только ты-то на месте. Динамическое спокойствие. Человек останавливается. «Под лежащий камень – вода не течет». Человек сохнет. Посмотри на этих людей. Немного пружинящая походка с практически неподвижными руками Мямлящая, медленная речь. Невидящие глаза. Он не знает, куда ему идти, его глаза заволокло. Он ходит по кругу, вводя себя с удовольствием удовольствие, вводящее его в заблуждение. У некоторых хватает сил это остановить. Прервать день сурка, который начинается с поисков на лекарство (вымогательство, афера, кража, грабеж, убийство), поиск аптекаря (такси, ночные поездки, странные люди, цыгане, перевозка, милиция, посты, собаки, отсутствие документов, внешний осмотр – взятка, пропустили), приготовление (кружка, стекло, огонь, компоненты), потребление. Хорошо, если получилось и хватило всем. Ведь обычно мутят на толпу. А если нет? Если кому-то одному повезло, и он тихо раздобыл, тихо сделал и тихо потребил: подозрения, обвинения, ревность, оправдание: «Да ты че!?! Ты на меня глянь: я че вжаленый по-твоему что-ли, а? Ты че!?!». Обман, недоверие. Друзья на дозу. И снова. 7 дней в неделю. Изо дня в день. Год. Годы. Жизнь, как недочитанная, страшная повесть. Остановившийся отрывной календарь. И не имеет значение время года, да и вообще, мало что и мало кто имеет хоть какое-то значение. Это то, что за гранью абсолютного эгоизма. Обратная его сторона. Жизнь переступивших ее – страшный сон для трезвого, верящего в доброту, справедливость и взаимовыручку. Окунуть в среду – и ты поймешь и сможешь, может быть, дать ответ на вопрос «зачем». Я называю это практической философией. Пройтись по краю, чтобы предостеречь, остановить других. Показать, как можно любить красоту осени, где каждый новый день, вызывает в тебе такие разные чувства. Когда можно просто сидеть в удобном старом кресле и жадно вдыхать особый октябрьский воздух. Показать, как можно слышать себя и то, что вокруг себя, а не только себя в себе, внутренний голос, с которым ведешь диалоги на тему раздвоения личности и, глядя в зеркало, утешаешь себя, что это всего лишь шизофрения, а в остальном все нормально. Дать возможность раскрыться для других, быть открытым для нового, не переставать удивляться. Разум – как парашют: работает, когда открыт. Некоторые, фыркая, бросают через плечо: «Как ребенок...». А разве это плохо? Дети

это плохо? Плохие дети? Глядя на нас, дети – учатся, глядя на детей – мы удивляемся. Удивляемся себе? Удивительное непохожее ни на одно другое утро. Великолепный абзац.

Сцена 2.1.6

В ней Мы коснемся вопросов влияния социальной среды на воспитание и формирование Вашей личности и постараемся понять что такое «принцип решета»

Пятка закончилась. Нуя и чудно. Где мой чай. Вот он. Так приятно греет руки фарфоровая емкость. Немного замерз. Глоток ароматного чуть терпкого напитка, а то, что-то в горле пересохло. Отлично! Тепло разливается по организму, проникая в каждую клеточку. Дай бог здоровья чаеделам. Хорошие люди. А ведь сегодня еще работать. Время терпит. Кто никуда никогда не спешит, никогда никуда не опаздывает. Куда действительно спешить. Хлеб насущный толкает, разве что. Хочется иногда вводить в себя белки, жиры, углеводы, минералы и разного рода витамины, для целей исключительно: поддержать тлеющую жизнь в увядающем теле, да чтобы хватило сил заварить чай и встретить гостей. Хотя, иногда, хочется остаться совершенно одному. Насладиться покоем. Созерцать. Тогда все лишние. Но и все время быть одному не для каждого, а с другой стороны, и среди себе подобных находится долго немого. Разрываешься между одиночеством и коллективом. Дилемма. Пытаешься нащупать эту золотую середину. Но уж очень она тонкая, как папиросная бумага, скользкая как квадратный лед из морозильника, и тебе стоит больших усилий не стать сволочью. Рамки. Обычаи. Традиции. Устои. Культура. Но не выдерживаешь. Это как взлет и приземление. Проявляешь себя, заставляя страдать тех, кто рядом с тобой, порой даже без чувства сожаления, порой с раскаянием и самобичеванием. Не жалея эмоций и сил ты рушишь, крушишь, режешь по живому и тебе нравится это. Обычный человеческий садизм. Ведь если бог создал тебя по образу и подобию своему, то, значит, человек не обязан быть добрым и справедливым, жалеть сострадать, проявлять всегда, постоянно только позитивные качества. Быть плюсом. Но ведь в атоме есть и плюс, и минус, что является самым источником движения. Нет движения – нет жизни. Посмотри на камень. Следовательно, если человек будет только положительным, то должен быть другой человек, только отрицательный, чтобы жизнь продолжалась. В противном случае. Из леса выйдут волки и дикие собаки динго, а единственный оставшийся будет чистым проявлением божественного, в котором ровно половина добра и столько же зла, и как только эти две составляющие единого целого придут в гармонию, перестанут бороться, воссоединяться, что будет тогда? Истина. Чистая подлинная истина. Безумие. Чистое подлинное безумие. Дверь в другое. Гармония, как ключ. Смерть – гармония. И пока я жив, я стремлюсь к гармонии: рискую, пью до беспамятства, употребляю наркотики, люблю, переживаю, наслаждаюсь красотой, наслаждаюсь собой. Кто как. Разные по разному и об одном и том же. Во многих книгах, которые я читал, многие пишут о гармонии. О какой гармонии? Я искал ее в этих книгах. Я прочитал много книг. Хотя понятие «много» тоже весьма условно. А потом я перестал читать такую литературу. Я нашел, то, что искал. Нашел в других. Нашел в себе. Нашел в других как отражение себя. Нашел в зеркале, в которое смотрюсь каждое утро. Хотя, если всмотреться, то возникает вопрос: кто на кого смотрит, и кто с кем разговаривает? Говорят, что доктор в психиатрической больнице отличается от её клиентов, лишь тем, что у него есть ключ ко всем дверям. Универсальный ключ. Найти этот ключ – это полдела. Прежде чем искать, задай себе вопрос: а что ты им хочешь открыть, куда ты хочешь проникнуть? Что это за замок? Человек – открой себя, и тебе откроется, и тебе откроются твоё величие и твоё ничтожество, твоё могущество и твоё беспомощность, твоё сила и твоё слабость, твоё смелость и твоё трусость, твоё щедрость и твоё скупость. Ты поймешь, что ты – эта тонкая работа, красивая мозаика, хрупкая, как карточный домик, который сам возводишь. Но не строй дом свой на песке, ибо придет

вода и не устоит дом твой. Если ты в это веришь – это твое дело. Но на чем основана твоя вера? На знании? Знании данным кем? Или просто эта модель тебе ближе всего, твоему мировосприятию и мироощущению. Ты родился, тебя воспитывали родители, по-своему и старались вложить в тебя то, что они хотели достичь, но по каким то причинам у них этого не получилось и ты становишься объектом реализации нереализованных желаний. Мое знание – это моя вера. Ты сирота и не помнишь, кто Ты и от кого, но ведь Ты рос среди людей, и они формировали тебя, они были твоими родителями, ведь в конечном счете, они – часть общества и ты формируешься и будешь это делать под его постоянным воздействием, воздействием его принципов, зачастую принципов большинства, однако далека не всегда верных, под воздействием его правил, которые хочется нарушить, под воздействием его знаний и его веры, веры, пока чаще в деньги. К сожалению пока. Вот Ты ходишь в детский сад, в школу, в институт, где на тебя влияют разные люди и обстоятельства, которые медленно формируют тебя, незаметно для тебя самого лепят из тебя члена общества, социума. Навязывают взгляды и стереотипы. Иногда ты сопротивляешься, а что-то принимаешь как само собой разумеющееся. Ты попадаешь в ситуации, где нужно было бы проявить характер, а ты проявил слабость и потом коришь себя за это, и мысли эти преследуют тебя, ты изводишь себя, доводишь до умоисступления в отчаянном поиске выхода из создавшейся ситуации. И ты вспоминаешь о том, что есть сила. И ты впадаешь в молитву, придуманную самим собой, огораживаешь себя амулетами и образами от страха, который полностью завладел тобой и тянет из тебя сок, питаешь твоей духовной слабостью. Тобой понукают. Тобой управляют, и ты, безропотно подчиняешься. Машешь после драки кулаками. В фантазиях ты силен, ловок, смел. Ты укрепляешь свои фантазии. Смотришь по вечерам, заплатив, тайком взятый из бабушкиной пенсии рубль, слегка подвыпившему хозяину видеосалона на первом этаже дворца культуры работников химической промышленности, фильмы гонконгских режиссеров с незатейливыми сюжетами и костюмированными спортсменами в главных ролях. Ты платишь рубль за мечту. Ты выходишь после сеанса в легкой эйфории. Ты оживленно обсуждаешь с друзьями особенно захватившие тебя моменты и даже пытаешься имитировать трюки и фортели. Фильм по дороге домой пересказывается и смакуется. И удовольствие не меньше чем при непосредственном просмотре. Постепенно компания уменьшается, и страсти утихают. Ты долго будешь смотреть в темный потолок, фантазируя победу над своим врагом. А утром, придя в школу, ты снова расскажешь и не раз и не одному. Ты расскажешь о себе, но о нем. Ты лох. А враг твой это ты сам. А тот, кого ты считаешь своим врагом – твой учитель. Вот только учишься ты без особого желания, и за это тебя наказывают. Наказывают за непослушание бабушке. Наказывают за воровство. Наказывают за садизм к животным. Ну, подумаешь, червячка загубил, на крючок живьем насадил. Ну, подумаешь, муравьишку затоптал. Ну, подумаешь, лягушонка подпотрошил. Ну, там баночки консервные кошечке за хвостик подвезал. В птичку из рогатки, мышку в ведро с водой, и вот она уже захлебывается, а ты ее достаешь, терпеливо ждешь, пока она отдышится, чуть отойдет и снова ее в ведро. Так это ж и есть процесс изучения окружающего мира. Так это же все тяга к познанию, за которой скрывается обыкновенный детский садизм. Тогда и Ты заслужил это. Так кому же Ты тогда молишься? Какому Богу? Кому? До кого ты хочешь достучаться? До себя. Но ты этого пока не понимаешь. 1988 год. А в параллельном, старшем на два года классе, пропала девочка. Обычная девочка, каких в школах миллионы. Пропала. Искали классом. Искала милиция. А нашел случайный прохожий. Одну. В лесу. Чуть присыпанную землей. Молодую. Обычную девочку из девятого класса, обычной средней школы из небольшого провинциального городка. Мертвую. О смерти слагались легенды, легенда обрастала ужасающими подробностями, слухами и домыслами, которые были близки к истине. Обычные одноклассники. Ее одноклассники. Медленно ее убивали. Очень медленно. А она просила их: сначала не делать этого. Им нравилась то, что их просят, умоляют. Они чувствовали свое могущество, свою власть распорядиться чужой жизнью. И они наслаждались медленно убивая. А потом им

стало неинтересно. Неинтересно просто убивать. И голос говорил с ними. С ними говорил их Бог. Бог, которому они молились, к которому взывали, в которого безропотно верили. Он говорил им, что ему нужна ее кровь, и они сделали это. Поставили точку: медленно вскрыли вены грязным битым бутылочным стеклом и смотрели, как из нее в обычную банку из-под вишневого компота вытекает ее жизнь. И она смотрела на них угасающими темными глазами. А ведь она была простой девушкой, которая мечтала окончить школу, найти настоящую любовь, стать счастливой матерью и сделать эту жизнь чуть лучше, чуть красивее, чуть добрее. Подарить новую жизнь. Она так этого хотела, она так об этом мечтала. Она мечтала жить. А они пили ее жизнь, смакуя и смеясь, понося ее грязной бранью, наступив ногой на горло. Сильные крепкие парни. Так им сказал их Бог. Так они сказали. Одни из них сошел с ума. Другого нашли мертвым в камере тюрьмы. Третий не просидел и года. Они искали своего Бога. Искали свою справедливость. Какая она – справедливость? А эта девочка, в чем ее вина? Такие сложные вопросы. Есть ответы, варианты, версии, мнения, суждения, догадки, доводы, доказательства, аргументы, факты. И все это уходит как вода жизни в песок бытия, которое жадно поглощает, требует еще и еще, снова и снова. Ненасытная. Бездонная. Жизнь – это решето. Что это значит? Тут Тебе есть над чем подумать...

Сцена № два. 2

В ней Мы объясняем, почему рекомендуем читать хорошую литературу

И, тем не мене, отличное утро. В руки перекочевала книга в мягком глянцевом переплете Новосибирского книжного издательства авторства двух интереснейших людей: Ильфа и Петрова. Пытался осилить эту книженцию классе, этак, в шестом. Рановато. Не тот возраст, не то миропонимание, мироощущение, мысли не те и не о том, даже не о девочках, а так переходный возраст от песочницы к видеосалонам. Глубокая книга. Захватывает. Тонкий юмор простоты вещей окружающих тебя в твоих буднях. Детализация абсурда происходящего поражает своей изящностью. Утреннее курение способствует. Иногда приходят мысли, что эти два человека были малость не в себе, не от мира сего. А ведь как видели этот мир, как его понимали, как чувствовали всю его суетность, как они ценили красоту импровизации, яркость нешаблонного мышления, оригинальность, экстремальную новизну подхода к шаблонным жизненным ситуациям. Завораживает мастерство буквоперестановки и словоперемещений. Богатая гамма. Спектр слегка воспаленного воображения предстает во всей своей красе. Это близко мне как читателю. Кошка недопонимает моего моносмеха или делает вид, наверное, думает о своем, о кошачьем. Порция хорошего настроения с каждым абзацем. Одна глава с утра – это как батарейка, которую вставляешь вместо уже истратившей весь свой энергопотенциал. Последний глоток чая. Последний кусочек торта. Последний абзац. Закладка, и в путь...

Сцена №3

**В ней Мы ответим: что такое современная
работоторговля, как ее можно связать
с Системой, причем ответим основательно,
с использованием 25 кадра и поймем, что
может значить «Сила в наших руках»
В путь, в путь, в путь, Ноги нас по берегу несут...**

«Петлюра»

...делаю глубокий вдох. Отрываю тело от кресла. Ноги соприкасаются с землей. Потягиваешься в небо. С легким похрустыванием суставчиков. Приятно. Работать с былым юношеским энтузиазмом уже не хочется. Закончилась эпопея достижения высоких идеалов. Людей просто используют другие люди. Узаконенная современная работоторговля: биржи труда, кадровые агентства, рекрутинг, резюме. Это все только красивые слова. По сути же – ничем не прикрытая работоторговля: чтоб зубы были белые, руки крепкие и голова на плечах – это первый сорт, далее по нисподающей, ну, там, например, покашливаешь или прихрамываешь, скажем, это уже вторым сортом пойдет, в отдельный файл. Ну, а если, не дай бог конечно, уже в возрасте или там без опыта или внушающего доверия диплома, то это только на колбасу. Хлам. Прекрасный бизнес. Вечный бизнес. Ну, по крайней мере, до тех пор, пока существует человеческая цивилизация, т.е. достаточно долго, чтобы создать свой механизм. Швейцарские специалисты понимают толк в хорошем механизме. Ты строишь, наслаждаешься этим скрупулезным процессами созидания, соединения, кому-то казалось, таких неодинаковых по-своему в чем-то деталей, которые порой были из разного материала, и который стал неотъемлемой частью этого грандиозного биомеханизма под красивым названием жизнь. Жизнь – это конструктор. Ты увлекаешься и забываешь об осторожности, которая в тебе присутствует от рождения. Тебе снится странный сон. А ты по-прежнему увлечен, погружен, недоступен. Ты прибываешь в трансе, погруженном себя, в свои прекрасные мысли. И только резкий удар может вернуть тебя в эту так ненавистную тебе реальность. И ты теряешь на время связь с тем миром, в потоке мягкой воды которого ты качался на лодке с красивым названием «Безмятежность», подставлял свое сияющее лицо такому же сияющему солнцу. Попробуй. Ты переоцениваешь свое отношение к некоторым вещам, к себе, к взаимозависимости явлений и событий происходящих. Начинаешь относиться к происшедшему как к еще одному шагу, к достижению понимания сути. Все будет хорошо! Эта мысль укрепляет тебя в твоей каждодневной битве с человеческой глупостью. Я смутно помню биографию Сервантеса, и, как мне кажется, за подобного рода произведения можно было легко отдать часть своего свободного времени системе испанских исправительных учреждений. Бой с государством. Бой с ветряными мельницами. И Дон Кихота я не читал. Да если бы и читал. Судя по экранизации вышеупомянутого произведения советскими кинематографистами, эпизод с вышеуказанным боем воспринимался отдельными участками моего еще не сформировавшегося детского мозга, как забавный и необычный. Смешной. И только. Ни о каком либо подтексте, эзоповом языке и прочих литературных инверсиях я имел в то время очень приблизительное, весьма смутное и довольно отдаленное представление. И, как оказалось, жизнь этот эпизод заставила меня отыграть, чтобы понять. Приобрести опыт. Люди больше доверяют своему опыту, нежели опыту других. Вероятно, из-за ощущения собственной значимости, неповторимости, красоты и бесподобия. Приходится

создавать посредством имитации этот опыт у человека. В этом в принципе и заключается работа торгового представителя, коммивояжера, который предлагает человеку, окунуться в мир иллюзий для получения позитивного опыта с целью еще большего упрочнения позиции своей правоты, как чего-то абсолютного, неоспариваемого. Мол, точка, и всё тут. Но ведь после точки можно снова писать. Эти люди создают себе искусственные знаки препинания. Спотыкаются и идут, чертыхаясь, дескать, как же так могло получиться, и стремятся снова все просчитать. А можно ли просчитать Всё? Конечно, утверждают они – Всё! Всё? О, великие люди! Люди способные просчитать все, разложить по полочкам, знающие, что это именно так, а никак не иначе. Те, которым открылись все тайны вселенной. Именно так, как говорят они, делают они, видят они, слышат они, чувствуют они, именно как они, как он, как она, как я, и никак иначе, невозможно. О, великое человеческое Я! Гимн эгоизма. Пусть так думают. Пока. Понять восприятие мира другого человека, для дальнейшего конструирования иллюзорного опыта, где уже ты будешь конструктором. Это, пожалуй, главная задача торгового представителя. Для выполнения этой задачи ему необходимо выполнение всего лишь одной простой, я бы даже сказал, незатейливой, и в то же время, крайне эффективной функции – наблюдать. Тренировка – это наблюдение. Сбор информации. Сортировка информации. Анализ полученных данных. Выявление приоритетов. Формулировка иллюзии. Присоединение. Ведение. Введение в транс. Внедрение иллюзии. Повышения статуса иллюзии до статуса шаблона. Установка нового шаблона. Проверка. Но к этому приходишь со временем. Наверное, поэтому, стаж работы важен. И только теперь я понимаю. Просто время пришло. У каждого свое время. Кстати сколько время, а, посмотри! Не торопиться? Точно? Я тоже. Только если люди не ждут. Мне не нравится ждать. Может, поэтому так часто приходится ждать, потому что не нравится. Не делай другому того, чего сам себе не пожелаешь. Ведь действительно же. Только вот обычно, наоборот. Может попробовать оборот наоборот...

Лирика все это. Утренний приступ. Хлеб наш насущный нужен нам каждый день. Иногда, почему – то, хочется кушать. Может это болезнь какая-то. Болезнь под названием жизнь. Родился человек, и уже хочет кушать, тянет теплое молочко себе из сиси и в ус не дует. А тут – хлоп, ему сразу медицинскую карту, на которой были наклеены вырезанные порой из этикеток сока в трехлитровых банках с различными природными сюжетами: яблоки, там, груши, медвежата и прочая фауна. И говорят: «Вот», – мол, «Тебе», – мол, со странным пожеланием от чуткого участкового врача не болеть. Так вы уже человека настроили, по крайней мере, родителей точно. Жизнь идет по карте прививок, манту, манту еще раз манту, вакцинация, реакция на вакцинацию. И на карте меняются адреса прописки, места учебы, что-то вычеркивается, что-то дописывается разноцветными, хаотически направленными почерками уставших от рутины медицинских работников. В нее клеиваются листы простые, в клеточку или линейку из школьной тетради. В ход идут любые подручные средства, мало-мальски приспособленные к нанесению на них замысловатых символов с указанием температур, давления и пульса, органолептики мочи и кала. А эти походы всей школой на анализ: в правом кармане спичечный коробок, заботливо завернутый бабушкой в кусочек громкого целлофана из-под подаренных ей цветов, заботливо сохраненного, постиранного, высушенного и вчетверосложенного на газетной этажерке. В коробочке – извините за подробности, говно и, еще раз извините, еще теплое, приятное греющее руку. Которое, кстати сказать, собственноручно наковырял из горшка, выбирая получше, чтоб там консистенция плотная, чтоб без косточек. В общем руководствовался сугубо эстетическими соображениями, заботясь о работнике лаборатории, чтоб те, открыв коробочек, ахнули от красиво выложенного материала. Лаборанты. Фанаты профессии. «ФУ!», – скажете вы. Не, ну, а как вы прикажете: целится, что ли в коробочку. Так это же неудобно. Поэтому, отбросив приличия, я смело орудовал в ночной вазе. Слава богу, консистенция была, говорится, что надо. Везло. А если учесть тот факт, что о медосмотрах сообщалось несколько внезапно, то некоторые, заметно волновались накануне, что, соответ-

ственно сказывалось на плотности. Как они там из этой ситуации выкручивались, то ли две банки везли, то ли брали полиэтиленовый пакет – не знаю. Хорошо, что хоть в коробочке, а не насыпью или россыпью в газетном кулечке. В левом кармане тоже ощущается тепло. Это майонезная баночка. Понятно с чем. И так вот человек 25, в автобусе, общественного, девятого маршрута, школьники весело везли свое дерьмо и мочу через весь город в поликлинику. Короче, не автобус, а говнобус. Так, вот, о карточках. Если б не технический прогресс и цивилизация, то вшивали бы и глиняные таблички. Представляешь: какие тогда были медицинские карточки в древнем Египте. А если ты, скажем, к примеру, хроник, это ж тогда целая телега личного дела. Или, скажем, нужен тебе больничный, так как, корпоратив был намедни (обмывали введение в эксплуатацию пирамиды или там канала оросительного, я не знаю). Девки, бубны, факиры, ну и, соответственно, рисовой настойки чуть перебрали. Некоторых, может даже, в Нил тошнило. Тоже, скажу я Вам, дорогой мой читатель, опасное занятие: мало того, что тебе нехорошо, так еще ж и крокодилы не дремлют. Обтер испарину тогой. Наклонился водичкой лицо после акта оросить, а он тебя хватя за голову и на дно поволок. Ищи потом с факелами! Поначалу, конечно, цепляешься за жизнь, трепещешься, а толку то: одни сандалии вниз по течению. Это конечно приятно, если крокодил беззубый по старости, и не то чтобы грызет, а так, сосет. Засасывает. В таких случаях, безусловно, последние минуты жизни, даже несколько скрашиваются, для мужчин в частности. Ну, а крокодил, в свою очередь, хмелеет от такого меню. Древние папирусы уверяют нас в том, что были даже крокодилы-алкоголики, которые специализировались исключительно на хмельных жителях. Кое-кто конечно уцелел. И вот. Пришел ты, значит, к тамошнему лекарю, там, или викарию какому-нибудь, на худой конец. Он тебя, соответственно, ощупал, в горло заглянул, на печень нажал, охнул ты, конечно, тот языком поцокал и, дабы облегчить, что-то там иероглифами, понятными сугубо узким специалистам, на глиняной этой табличке нацарапал, дал подсохнуть и послал с ней в ближайшую их фармацию. Не панацея, конечно, однако шанс кое-какой дает. А ты, значит, на радостях, что жить еще будешь, сementишь ногами, держишь ту табличку руками, и, мечтая о радужных перспективах, мало глядя под ноги, дуешь в эту самую аптеку. Замечтался, разумеется, споткнулся и ту табличку вдребезги. В хлам. В самые что ни на есть мелкие щепки. Причем прямо перед порогом аптеки. Досадно. Сидишь и грустно восстанавливаешь это пазл. Один кусочек не туда сунул – и всё, роковая опечатка, неверная дозировка и, как следствие, летальный исход. Жутко тяжело было тогда болеть в Египте. Так вот. А в конце-концов, мужчина в сером, чуть потертом пиджаке с засаленными карманами. Глядя задумчиво-невидящими уставшими глазами в окно, за которым идет серый октябрьский дождь. Лениво протирая очки в пожелтевшей от времени пластмассовой оправе углом того же пиджака. Предварительно выдохнув на них перегарный пар и затуманив обе линзы. Под шум перемигивающей лампы дневного света. Неспеша. Отдалив от себя на вытянутых руках, прочитает вслух фамилию, имя и отчество. Хмыкнет, слегка дернув при этом головой, положит этого человека перед собой на старый раскачивающийся стол из ДВП с оторванными ручками выдвижных ящичков, и слегка послунявив шершавые, сухие пальцы с коричневыми пятнами от постоянного курения папирос, начнет листать книгу жизни одного отдельно взятого человека. На одних листах его взгляд не будет задерживаться: регулярные осмотры. Где-то он чуть задержится: прививки. С интересом развернет он перед собой метры кардиограмм. Поднимет к свету рентгеновские и флюорографические снимки с зеркальной фамилией. «М-да...», – протянет он задумчиво и снова углубится в изучение фолианта. Затем тяжело и протяжно выдохнет и, предварительно проверив на обложке карты шарик стержня, в который вставлена откусанная по размеру спичка, дешевой прозрачной пластиковой ручки, с загрызанным до дыр колпачком, и напишет в заключение о смерти следующие строки: хроническая легочно-сердечная недостаточность. Подпись. Печать. Короткая рецензия. Рецензия на жизнь длиною в одну строку с качественными и относительными прилагательными. И книга ляжет в архив, не увидев больше света, не будет на публике, хотя, быть

может, ей когда-нибудь посчастливится и она попадет в руки молодому студенту-медику, который сдует с нее пыль и окунется в мир причудливых диагнозов и анализов, анамнезов и эпикризов. Или студенту археологу через тысячи лет, и это станет сенсацией, которая потрясет весь доселе дремавший научный мир, заставив пересмотреть многие теории, сдвинет с места зачерствевшие догмы и закорстевшие стереотипы. Ведущие мировые газеты и авторитетные научные издания взорвутся тысячами пестрых заголовков: «Правду нашли!», «Обычный студент или современный Колумб?», «Археология или Утопия?» Кто-то получит степень доктора, и лавры, а кто-то будет развенчан и обвинен в ереси. Кого-то выдвинут на пьедестал, а кого-то низвергнут на дно общества, где он будет прозывать в небытии и бесславии. Телевидение захлестнет волна направленных передач на тему вариантов толкования истории развития человеческой цивилизации, будут устраиваться дискуссии и ток-шоу с приглашением экспертов, аналитиков, священнослужителей и бывших проституток, сошедших со скользкой стези низменных человеческих потребностей и ставших на путь исправления. Взметнутся ввысь проценты рейтингов, бешено вздорожает рекламное время. Сенсация! Готовься к борьбе – собирай единомышленников. Мы – звенья одной цепи. 25 кадр. Взъерошенные люди взбудоражено-хаотично передвигаются по улицам городов и весей, бурча себе под нос какие-то заговоры, и перебирая в голове содержание утренней передачи с известным ведущим и малоизвестными к месту и ни к месту аплодирующими гостями. Агитаторы едут в глубинку. Массы начинают колыхаться. Люди сбиваются в группы по двое, а то и по трое. Мультиплицируя имеющуюся у них скудную полуинформацию дополненную слухами и сплетнями. Стимулировать другого и получать удовольствие от того, что твоя информация вызывает у него возбуждение, и так далее. Этакая публичная групповая мастурбация. Группы увеличиваются. Превращаясь в толпу. Информация продолжает свою циркулярную реакцию. Возбуждение нарастает. Появляются провокаторы и лидеры. Робкие попытки органов власти вернуть все происходящее в прежнее русло не увенчались успехом. Начинаются стихийные митинги, акции протеста, манифестации. Агитационные машины, призывающие граждан к спокойствию, переворачиваются и поджигаются разбушевавшейся ревущей толпой. В толпу начинают запускать слухи, которые доводят ее до кипения, так необходимого тем, кто собрал эту толпу – лидерам. Если есть кипение – есть пар, если есть пар – ему нужен выход, если нет выхода – начинаются массовые беспорядки, построенные на противопоставлении: Мы и Они. Баррикады. Погромы. Чиновников вытаскивают из их уютных кабинетов, тащат по коридорам, в которых царит хаос (бумаги, перевернутые стулья, мародеры тащат орг. технику и мебель, насилуют противную секретаршу, группой). Чиновник вижзит: «Я буду жаловаться министру!». Он пытается дотянуться до телефона, однако нет: его подхватывают на руки, и чей-то острый нож режет телефонный шнур, в руке у чиновника остается лишь трубка с болтающимся куском кабеля и, под радостный крик обезумевшей от долгого ожидания справедливости толпы, его и их вешают прямо перед зданиями администрации на фонарных столбах, головой вниз. Смерть к ним приходит медленно и мучительно. С такой же скоростью, с какой они рассматривали просьбы и челобитные стоящих теперь в толпе граждан. На глазах у некоторых появляются слезы радости. Горят огромные костры: в них летят папки бумаг, кресла мздоимцем и казнокрадов, приказы и распоряжения. На фоне взрывающихся языков пламени, из окон учреждения выбрасываются люди в красивых костюмах. Слышны одиночные выстрелы. Мимо ревущей толпы, проезжает грузовик с вооруженными людьми. На грузовике транспарант: «Власть – народу». За грузовиком, волочится еще живое тело министра финансов и губернатора. Они истошно кричат, их растирает о неровности асфальта как сыр о терку. За ними, радостно крича, бежит ватага ребятни и свора лающих собак. Собак иногда останавливают и чтобы сбить жажду после трех кварталов, лижут с серого асфальта, красный след, который остается после министра и губернатора. Тюрьмы подхватывают волну. Требования амнистии. Захват заложников. Попытки подавить бунты ни к чему не приводят. «Три слагаемых успеха Нашей борьбы –

это пропаганда, агитация и активные действия – в рупор, стоя на грузовике, внушает Человек – Нас слишком много и Мы слишком долго терпели. Начинается локальные бунты. Сначала они стихийные, но уже очень скоро они скоординированы и направлены в общее русло. Так начнется Наша революция, как прелюдия к мировой. Государство еще пытается как-то подавить, но что оно может, если Они извратили и подмяли под себя само понятие «Государство»? Что может эта кучка негодяев, собравшая в свои жадные толстые ручонки ВСЁ. Забрав всё и ничего не дав взамен, кроме насилия, алкоголизма и разврата. Зачем Нам нужны Они, те, которые взяли у Нас последнее, а теперь хотят снять с Нас кожу, выделатать ее Нашими же руками и Нам же и продать. Зачем Тебе Это, Человек? Рыба гниет с головы. Отруби голову. Когда у человека начинается гангрена, врач не рассуждает – врач действует, иначе жизнь будет упущена. Ему некогда писать распоряжения анестезиологу, у него нет времени проводить многочасовые заседания. Меньше слов – больше дела. На кону – жизнь. «Скальпель». И в его руку ложится холодная, твердая и безапелляционная сталь. Он в белом халате с остро заточенным скальпелем в руках, поблескивающим под ярким светом ламп, его звено готово, каждый отвечает за свое. Без лишних слов: «Давление в норме. Пульс 65». «Начнем». Крупный план. Уверенной рукой вскрывает полости, отделяет мертвые ткани от живых. Режет. Кровь. «Зажим». Кровь. «Еще зажим». «Давление падает». «Адреналин 20 грамм». Введение. Режет. «Давление стабилизировалось». Инструмент с лязгом падает на чистый кафельный пол. Тампоном ему вытирают лоб. Кость. «Пилу». Пилит. Без лишних движений. Каждое движение – шаг к спасению. Запах горелого. Мертвечину в отход. «Готово. Шейте», – сухо говорит он. Вырви с корнем этот прогнивший, насквозь трухлявы и разящий дохлятиной зуб. Покажи Им Свои зубы: откуси руки, которые пытаются обобрать Тебя. Покажи Свою Силу: раздави эту гниду, которая сосет из Тебя сок. Размажь эту тварь об асфальт истории. Сожги Их в жаркой топке революции. Покажи им Свою ярость. Пусть они дрожать. Пусть Они боятся даже посмотреть на тебя. Пусть страх проникнет в каждую их клеточку. Пусть Они теперь боятся и дрожат. Настала их очередь – пришло Наше время. Сделай Это чтобы встать с колен. Сделай это чтобы поднять голову. Сделай Это, чтобы стать Человеком. Свергается прежний, отживший, извращенный государственный строй. В отход Его! В помойную яму. В выгребную яму цивилизации. Объединяйтесь! Действуйте скрытно, только так Мы сможем сломать Этот механизм, только изнутри (Бойцовский Клуб) Они хотят нас разъединить, рассадить по клеткам и повесить замки, опоить, одурманить, взрастить в Нас животных, думающих только о своем брюхе, своей карьере, своей безопасности. Они хотят, чтобы Мы думали только о себе, Они хотят, чтобы мы перестали думать о Нас. Они хотят, чтобы Мы перестали бороться. Они хотят сломать нас по одному и Они сделают это, если мы не объединимся. Объединяйтесь! Наша сила – в Нас, в наших звеньях, в нашей цепи. Они хотят Нас сделать слабыми. Они хотят Нас лишит Силы. Если Ты не начнешь сейчас – Ты погибнешь, Тебя сломают, Тебя сделают червем. Ты хочешь быть червём или Ты хочешь быть Человеком? Ты хочешь быть Свободным или Ты хочешь сидеть на цепи и жрать объедки из грязной миски, жрать и радоваться. Ради этого Ты родился? В этом Твое предназначение? Ты хочешь, чтобы Твоим предназначением стало быть животным на цепи? Ты этого хочешь? Объединяйся – чтобы стать Человеком. Ты – можешь и Они знают это, Они боятся Тебя. Они окружают Себя высокими заборами, красивыми удостоверениями, большими звездами на погонах. А Ты едешь в душном скотском автобусе или стоишь в пробке и молча смотришь на их машины с синими проблесковыми маячками. Ты хочешь сдохнуть вот так: стоя в автобусе? От камня брошенного в воду идут круги. Создай волну, создай движение и у Тебя все получится, а если получится у Тебя, получится и у Нас. Действуй! Твое время пришло!». Происходит передел собственности. Затем успокоение посредством репрессий. И жизнь снова входит в прежнюю колею. Казалось бы, обычная медицинская карта, а какой резонанс! Ведь правда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.